

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

К. Д. ТЮРИН

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ
СЕМЬИ В УЗБЕКИСТАНЕ

(1917—1938 гг.)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

2.55553

Писать разборчиво	34
Шифр	A-2
Автор	Тюрин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ 1965

21
A2

Объединенный Ученый Совет Отделения общественных наук Академии наук Узбекской ССР направляет Вам для ознакомления автореферат диссертационной работы тов. Тюрина К. Д.

Защита диссертации намечается на « » 1965 г.

Ваши отзывы и замечания просим направлять по адресу: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Дата отправки автореферата « » 1965 г.

Ученый секретарь Совета:

255553

Центральная научная
БИБЛИОТЕКА
Академии наук Киргизской ССР

Процесс формирования советской семьи и семейного права Узбекской ССР характеризуется национально-бытовыми особенностями. Семейное право испытывало на себе большое влияние национально-бытовых (родовых, племенных и сословных) обычаев, которые наложили свой отпечаток как на процесс формирования советской семьи, так и на историю семейного права Узбекистана. Существование кодифицированных источников брачного права не исключало применения норм обычного права.

Изучение процесса формирования советской семьи, обобщение опыта борьбы Коммунистической партии и Советского государства за победу советского семейного права над нормами шариата и адата — одна из важнейших задач науки.

Советскому семейному праву и отдельным институтам посвящены работы ученых-правоведов.

Проф. А. Г. Гойхбарг в своих работах ограничивается упоминанием обычаев узбекского народа, «унизительных для женщин, трактовавших ее как товар»¹.

Я. Н. Бранденбургский, касаясь применения шариата и адата, указывает на приниженное положение женщин и отмечает, что в национальных республиках двоеженство и многоженство преследуются в уголовном порядке. Но он обошел молчанием проблему минимального брачного возраста невест².

Проф. Ф. И. Вольфсон освещает проблемы многоженства, борьбу с калымом, но исходит из законодательства Азербайджанской, Горской и Киргизской (Казахской — К. Т.)

¹ А. Г. Гойхбарг. Сравнительное семейное право, М., Госиздат, 1925, стр. 178; Он же. Новое семейное право, М., 1918, стр. 3; Он же. Брачное семейное и опекуновское право Советской республики, М., 1920, стр. 4.

² Я. Н. Бранденбургский. Курс семейно-брачного права, М., Госиздат, 1928.

республик³. Касаясь основных институтов семейного права Узбекской ССР, он освещает все эти вопросы только с 1 октября 1928 г., т. е. со времени введения КЗоБСО.

Проф. Н. Н. Фиолетов уделяет внимание наиболее значимым институтам семейного права Узбекистана, но ограничивается формой брака и проблемой расторжения брака по одностороннему волеизъявлению жены⁴.

Доцент Н. Б. Рабинович кратко освещает только форму брака в нашей республике и проблему признания брака недействительным⁵.

Доктор юридических наук Г. М. Свердлов в своих работах упоминает отдельные институты семейного права Узбекской ССР, ограничиваясь краткой характеристикой института калыма, минимального брачного возраста невесты, принудительной выдачи замуж девушек и женщин, их затворничество. Г. М. Свердлов, как и большинство представителей правовой науки, ограничивается проблемами семейного права, исходя из КЗоБСО 1928 г.⁶

Доктор юридических наук В. А. Рясенцев кратко анализирует проблемы многоженства, непризнание фактических браков, регистрацию супругов по отчеству одного из них, при отсутствии фамилий, и проблему алиментирования⁷.

А. И. Пергамент в своей работе «Гражданское право» упоминает лишь о том, что декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака» от 18 и 19 декабря 1917 г. провозгласили принцип равноправия всех национальностей в области семейного права⁸.

Проф. В. И. Бошко пишет о борьбе с калымом и многоженством, а также кратко освещает институт усыновления⁹.

Академик АН УзССР Х. С. Сулайманова в своих работах также анализирует отдельные институты семейного права

³ Ф. И. Вольфсон. Семейное право, М., Госиздат, 1938.

⁴ Н. Н. Фиолетов. Основные вопросы советского семейного брачного права и новый КЗоБСО УзССР, Ученые записки САГУ, сер. 4, Право, Изд-во САГУ, Ташкент, 1929.

⁵ Н. Б. Рабинович. История советского гражданского права. 1917—1947, М., Юриздат, 1949, стр. 390—500; Ученые записки ЛГУ, № 187, серия юридических наук, вып. 6, стр. 171—196.

⁶ Г. М. Свердлов. Семейное право, М., Юриздат, 1951, 1958; Он же. Брак и развод, М., Изд-во АН СССР, 1949.

⁷ В. А. Рясенцев. Семейное право, М., Юриздат, 1948.

⁸ А. И. Пергамент. Гражданское право, М., Юриздат, 1949, стр. 170—232; Она же. Советское гражданское право, т. 2, М., Юриздат, 1957, стр. 384—427.

⁹ В. И. Бошко. Очерки советского семейного права, Киев, Госиздат, 1952.

узбеков¹⁰, но, в отличие от упомянутых выше авторов, кратко излагает борьбу за раскрепощение женщин, с реакционным духовенством и казиями, реакционную роль шариата в борьбе с институтами брачного права. Работы Х. С. Сулаймановой являются значительным вкладом в правовую науку Узбекской ССР.

В 1960 г. вышел первый том, а в 1963 г.— второй, коллективного труда «История советского государства и права Узбекистана» под редакцией академика АН УзССР Х. С. Сулаймановой и член-корр. АН УзССР А. И. Ишанова, где наиболее полно освещается история семейного права.

6 июля 1962 г. вышла в свет монография автора диссертации «Формирование советской семьи в Узбекистане (правовые проблемы)»¹¹, в которой автор исходит из правового дуализма в области семейного права Узбекистана, т. е. одновременного действия норм шариата и адата, носившего временный характер. В работе изучаются основные институты семейного права, действовавшие в Узбекистане с 7 ноября 1917 г. до 1938 г.

Г. Тансыкбаева посвятила свою работу исследованию истории семейного права Узбекской ССР, которую она рассматривает без учета действия правового дуализма. В автореферате кандидатской диссертации она упоминает о действии правового дуализма без указания на мой авторский приоритет. Автор ошибочно считает, что проблема правового дуализма возникла после образования Узбекской ССР, а не в Туркестанской республике¹². Г. Тансыкбаева не освещает брачно-семейное законодательство Бухарской и Хорезмской НСР, института опеки. В ее работе имеются ошибочные положения, как, например, утверждение наличия двух проектов КЗоБСО и АГС УзССР, не раскрыта история кодификации, мотивировка отдельных дополнений и изменений КЗоБСО и АГС УзССР.

Только двум проблемам семейного права посвящена работа Ф. М. Атаходжаева¹³. Автор четко и ясно освещает

¹⁰ Х. С. Сулайманова. Женщина Узбекистана — активный участник коммунистического строительства, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955; Она же. К вопросу об изменениях в семейных отношениях в Узбекистане, Известия АН УзССР, серия общественных наук, № 1, 1957.

¹¹ Газ. «Кызыл Узбекистан», 6 июля 1962 г.

¹² Г. Тансыкбаева. Семейное право ТАССР. История советского государства и права Узбекистана, т. I, 1960, стр. 253—276; т. II, 1963, стр. 86—88, 216—231, 439—448, 675—684. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Возникновение и развитие советского семейного права в Узбекистане», 1962.

¹³ Ф. М. Атаходжаев. Возникновение и развитие советского законодательства о заключении и расторжении брака, Самарканд, изд-е СамГУ, 1963.

нормы шариата, регулирующие брачные правоотношения, уделяет внимание проблеме расторжения брака, широко используя судебную практику. Однако работа написана в отрыве от процесса формирования советской семьи, в результате чего автору не удалось раскрыть роли и значения права жен на расторжение брака.

Заслуживают положительной оценки работы Х. Ш. Шукуровой¹⁴ и Б. Пальвановой¹⁵. Работа Х. Ш. Шукуровой историческая, охватывает ряд проблем, имеющих значение для изучения борьбы коммунистической партии за победу советской семьи. Работа Б. Пальвановой представляет особый интерес. В ней освещается борьба КП(б) Узбекистана за раскрепощение женщин республик Средней Азии. Нельзя раскрыть национально-бытовые особенности истории семейного права Узбекистана только средствами правового анализа источников семейного права, которыми ограничиваются указанные нами авторы, так как наряду с нормами советского семейного права применялись и нормы шариата и адата. Институт судов казиев и биев существовал до 18 февраля 1928 г.¹⁶ Одновременное действие норм советского семейного права и норм шариата и адата базировалось на принципе — нормы шариата и адата применялись постольку, поскольку не противоречили социалистическому правосознанию¹⁷. Все это определяется понятием правовой дуализм. Помимо правоотношений, вытекающих из брака, правовой дуализм охватывал наследственное право, земельно-водное право, так как не были изжиты «остатки феодальных отношений в кишлаке, выражающиеся в наличии частной собственности на землю»¹⁸, институт издольщины — «чайрикерство», вакуфное право, т. е. право собственности на «движимое и недвижимое имущество» — своеобразное церковное право. Насколько сильны были национально-бытовые традиции в Узбекистане, можно судить по тому, что после ликвидации судов казиев и биев институт усыновления

¹⁴ Х. Ш. Шукурова. Коммунистическая партия Узбекистана в борьбе за раскрепощение женщины, Ташкент, Госиздат, 1961.

¹⁵ Б. Пальванова. Доклад на опубликованные труды на тему «Борьба КПСС за вовлечение женщин Средней Азии в строительство социализма», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962.

¹⁶ СУиР УзССР, 1928, № 3, ст. 16; № 4, ст. 23; ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4628; оп. 1, д. 4928.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 2, д. 243, л. 9—22; ф. Р-25, д. 1804, л. 50—51; С. М. Киров. Избранные статьи и речи, М., Госиздат, 1937, стр. 78.

¹⁸ Резолюции и решения съездов КПУз, Ташкент, УзГИЗ, 1957, стр. 77—87; СУиР УзССР, 1925, № 50, стр. 481, 482.

нормировался обычаем до 1 октября 1928 г. Только при совокупном изучении основных институтов брачного и семейного права, этапов раскрепощения женщин и восприятия советского семейного права на этой основе можно правильно раскрыть особенности зарождения и становления семейного права в Узбекистане. Этой цели и посвящена настоящая работа.

Изучая семейное право, анализируя его источники, архивные документы, литературные источники, автор прежде всего исходил из учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о браке и семье, руководствуясь диалектико-материалистическим методом. «В собственном смысле, — говорил В. И. Ленин, — диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предмета»¹⁹. При анализе этапов формирования советской семьи и истории семейного права Узбекской ССР автор исходил из положения В. И. Ленина: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»²⁰.

Работа состоит из трех глав.

Первая глава посвящена вопросам семейного права Туркестанского края, которое сравнительно слабо изучено, так как законодательство России о браках магометан не было распространено на население Туркестанского края²¹. При освещении этих вопросов широко использована административная и судебно-прокурорская практика по брачным и семейным правоотношениям.

Во второй главе освещается законодательство о браке Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской НСР, а также проблема казийских и бийских судов в целях изучения правового дуализма в области брачного права.

Третья глава посвящена семейному праву республики до 1938 г. Прослежено влияние земельно-водной реформы, кооперативно-колхозного строительства, «худжума» на восприятие советского семейного права узбекским народом и другими национальностями, в прошлом исповедовавшими ислам. Основное внимание уделено кодификации законодательства о браке, семье, опеке и записи актов гражданского состояния.

¹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 227.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 49, стр. 329.

²¹ В мусульманском праве не употребляется термин «семейное право». В данной работе этот термин условен в целях единства терминологии.

Правовое положение женщин всех восточных народов определяется исламом. «Ислам — это религия, — пишет Ф. Энгельс, — приспособленная для жителей Востока, особенно для арабов, т. е., с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и промыслом, и с другой, — для кочевников-бедуинов»⁵.

Эти мысли К. Маркса и Ф. Энгельса сохраняют свое значение и для восточной семьи Туркестанского края, которая делилась на восточную семью оседлых народов — узбеков, таджиков, и кочевых — казахов, киргизов. Хотя теоретически религиозно-правовые положения ислама формально одинаково нормируют основные принципы брачного права оседлого и кочевого населения, фактически между этими нормами имелись существенные различия, обусловленные различными источниками права.

Брак по мусульманскому праву считается гражданским договором, который называется «никах». «Термин «никах» в буквальном смысле означает совокупление, соитие, союз между мужчиною и женщиною... На юридическом языке словом этим обозначается особого рода частный договор, имеющий целью узаконить деторождение»⁶. Для заключения брачного договора мусульманское право требует соблюдения определенных условий.

Для вступления в брак необходимо обоюдное согласие лиц. Совершеннолетние невесты не могли быть выданы замуж без согласия, но фактически это правило грубо нарушалось. По мусульманскому праву невеста находится под неограниченной властью отца, который вправе заключить брачный договор за невесту. «Так мужчина может сказать другому: «заключи брак твоей дочери со мной», а тот ответит ему: «я заключил»⁷. В Туркестанском крае чаще всего браки заключались через представителя невесты, который и выражал ее согласие. В силу этого правила из участника сделки невеста превращалась в объект сделки. Другим условием брачного договора является определение махра (мехра), т. е. средств, идущих на содержание жены. Институт «мехра» арабского происхождения. Мехр составляет неприкосновенную собственность жены. Правила о мехре были дополнены правилами о «калыне» (калыме). Институт калыма — древне-узбекский обычай. Мусульманские правоведы и духовенство, оправдывая существование института калыма,

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 468.

⁶ Хидая, Комментарий мусульманского права, т. I, 1898, стр. 77.

⁷ Там же, стр. 131.

нормировался обычаем до 1 октября 1928 г. Только при совокупном изучении основных институтов брачного и семейного права, этапов раскрепощения женщин и восприятия советского семейного права на этой основе можно правильно раскрыть особенности зарождения и становления семейного права в Узбекистане. Этой цели и посвящена настоящая работа.

Изучая семейное право, анализируя его источники, архивные документы, литературные источники, автор прежде всего исходил из учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о браке и семье, руководствуясь диалектико-материалистическим методом. «В собственном смысле, — говорил В. И. Ленин, — диалектика есть изучение противоречия в самой сущности предмета»¹⁹. При анализе этапов формирования советской семьи и истории семейного права Узбекской ССР автор исходил из положения В. И. Ленина: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»²⁰.

Работа состоит из трех глав.

Первая глава посвящена вопросам семейного права Туркестанского края, которое сравнительно слабо изучено, так как законодательство России о браках магометан не было распространено на население Туркестанского края²¹. При освещении этих вопросов широко использована административная и судебно-прокурорская практика по брачным и семейным правоотношениям.

Во второй главе освещается законодательство о браке Туркестанской АССР, Хорезмской и Бухарской НСР, а также проблема казийских и бийских судов в целях изучения правового дуализма в области брачного права.

Третья глава посвящена семейному праву республики до 1938 г. Прослежено влияние земельно-водной реформы, кооперативно-колхозного строительства, «худжума» на восприятие советского семейного права узбекским народом и другими национальностями, в прошлом исповедовавшими ислам. Основное внимание уделено кодификации законодательства о браке, семье, опеке и записи актов гражданского состояния.

¹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 227.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 49, стр. 329.

²¹ В мусульманском праве не употребляется термин «семейное право». В данной работе этот термин условен в целях единства терминологии.

Правовое положение женщин всех восточных народов определяется исламом. «Ислам — это религия, — пишет Ф. Энгельс, — приспособленная для жителей Востока, особенно для арабов, т. е., с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и промыслом, и с другой, — для кочевников-бедуинов»⁵.

Эти мысли К. Маркса и Ф. Энгельса сохраняют свое значение и для восточной семьи Туркестанского края, которая делилась на восточную семью оседлых народов — узбеков, таджиков, и кочевых — казахов, киргизов. Хотя теоретически религиозно-правовые положения ислама формально одинаково нормируют основные принципы брачного права оседлого и кочевого населения, фактически между этими нормами имелись существенные различия, обусловленные различными источниками права.

Брак по мусульманскому праву считается гражданским договором, который называется «никах». «Термин «никах» в буквальном смысле означает совокупление, соитие, союз между мужчиною и женщиною... На юридическом языке словом этим обозначается особого рода частный договор, имеющий целью узаконить деторождение»⁶. Для заключения брачного договора мусульманское право требует соблюдения определенных условий.

Для вступления в брак необходимо обоюдное согласие лиц. Совершеннолетние невесты не могли быть выданы замуж без согласия, но фактически это правило грубо нарушалось. По мусульманскому праву невеста находится под неограниченной властью отца, который вправе заключить брачный договор за невесту. «Так мужчина может сказать другому: «заключи брак твоей дочери со мной», а тот ответит ему: «я заключил»⁷. В Туркестанском крае чаще всего браки заключались через представителя невесты, который и выражал ее согласие. В силу этого правила из участника сделки невеста превращалась в объект сделки. Другим условием брачного договора является определение махра (мехра), т. е. средств, идущих на содержание жены. Институт «мехра» арабского происхождения. Мехр составляет неприкосновенную собственность жены. Правила о мехре были дополнены правилами о «калыне» (калыме). Институт калыма — древне-узбекский обычай. Мусульманские правоведы и духовенство, оправдывая существование института калыма,

объясняют его существование «своего рода приличием»⁸. Калым — догмат, который ревниво охранялся, и никто не решался его нарушить. Скрывая классовую природу института калыма, мусульманские правоведы утверждают, что «калым возвышает жену в глазах мужа, так как без калыма можно было бы жениться каждый день»⁹. Калым являлся как бы гарантией от произвольного и беспричинного оставления жены. В отличие от мехра калым всегда поступал в распоряжение родителей невесты. Размер его определяется родителями, родственниками или опекунами. Порядок уплаты нормировался родовыми обычаями. Некоторые роды и племена узбеков допускали женитьбу без уплаты калыма, а иногда бедняки «зарабатывали» жен личным трудом или, женившись, оставались в работниках у тестя¹⁰. Казахи признавали калым возмещением расходов, понесенных на воспитание дочерей¹¹. Невеста не имела права отказаться от уплаты калыма, так как брачный договор заключался ее родителями.

Необходимым условием законности брачного договора является и вопрос о равенстве лиц, вступающих в брак, так называемое право «кафаат», т. е. равенство по племени, роду, состоянию, вере. После заключения брачного договора жена обычно переходила в дом мужа — патрилокальный принцип. При нарушении этого принципа муж переселялся в дом жены, что признавалось нарушением обычая. В таких случаях зять назывался «ичкиев» («внутренний зять»).

Следующее условие — заключение брака при свидетелях. Религия и обычное право считают мужа главой семьи. «Мужья стоят выше жен потому, что бог дал первым преимуществу над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают трату на них»¹². После заключения брачного договора «муж получает полную власть над женою...»¹³. Имущественные права и обязанности супругов определяются принципом раздельности имущества как добрачного, так и на-

⁸ В. Наливкин, М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 201—207; М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, М., 1880, стр. 243, 248, 295.

⁹ Туркестанский сборник, № 57, вып. 2, стр. 26—63.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. Подварков. Брак и развод у киргизов, Туркестанский сборник, № 541.

¹² Коран, 4, 53.

¹³ Хидая, т. I, стр. 200.

⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 468.

⁶ Хидая, Комментарий мусульманского права, т. I, 1898, стр. 77.

⁷ Там же, стр. 131.

для развода»²¹. Мужу обеспечивается половая свобода. Понятие супружеской измены относилось только к жене. Муж не подвергался ни гражданской, ни уголовной ответственности за несоблюдение супружеской верности «за исключением случая содержания в одном доме с женою наложницы-язычницы. Это может быть рассмотрено как оскорбление религиозного чувства жены, составляющее акт жестокости»²².

Положение жены в семье и рекомендации при выборе невест, помимо норм шариата, нормировались своеобразным «кодексом» приличий на Востоке. Согласно его положениям невеста должна быть девицей. Следует выбирать такую жену, которая превосходила бы мужа четырьмя качествами, а четырьмя уступала ему. Возраст, рост, богатство и происхождение невесты должны быть ниже, чем жениха; красота, характер, приличие и нежность — выше. Кодекс рекомендует избегать женитьбу на женщинах, неспособных к деторождению, способных растратить имущество второго мужа на своих детей от первого брака; на женщинах, которые способны упрекнуть мужа принесенным приданым или своим высоким происхождением. Жена обязана свое настроение согласовывать с настроением мужа²³.

Таким образом, основные положения мусульманского права исходят из неравенства жены с мужем в личных, родительских и имущественных правах. Шариат освещает и оправдывает правовое и фактическое неравенство жены, закрепляет это неравенство, низводя жену до положения домашнего пленника. Бесправное положение женщин приводило к самоубийствам (самосожжению). Среди мужчин ничего подобного не наблюдалось.

Кочевое казахское и киргизское население Туркестанского края в качестве источника брачного права пользовалось адатом. По своему содержанию обычаи казахов отличались особенной строгостью, а также большим разнообразием по одним и тем же правовым институтам брачного права. Основными догматами брачного права казахов являются: «Казах не женится, а его женят», «Выбор невесты зависит от отца жениха»²⁴. Разнообразие казахских брачных и семейных обычаев обуславливалось родовыми традициями. Казах имел право жениться на четырех женах, за которых пол-

объясняют его существование «своего рода приличием»⁸. Калым — догмат, который ревниво охранялся, и никто не решался его нарушить. Скрывая классовую природу института калыма, мусульманские правоведы утверждают, что «калым возвышает жену в глазах мужа, так как без калыма можно было бы жениться каждый день»⁹. Калым являлся как бы гарантией от произвольного и беспричинного оставления жены. В отличие от мехра калым всегда поступал в распоряжение родителей невесты. Размер его определяется родителями, родственниками или опекунами. Порядок уплаты нормировался родовыми обычаями. Некоторые роды и племена узбеков допускали женитьбу без уплаты калыма, а иногда бедняки «зарабатывали» жен личным трудом или, женившись, оставались в работниках у тестя¹⁰. Казахи признавали калым возмещением расходов, понесенных на воспитание дочерей¹¹. Невеста не имела права отказаться от уплаты калыма, так как брачный договор заключался ее родителями.

Необходимым условием законности брачного договора является и вопрос о равенстве лиц, вступающих в брак, так называемое право «кафаат», т. е. равенство по племени, роду, состоянию, вере. После заключения брачного договора жена обычно переходила в дом мужа — патрилокальный принцип. При нарушении этого принципа муж переселялся в дом жены, что признавалось нарушением обычая. В таких случаях зять назывался «ичкиев» («внутренний зять»).

Следующее условие — заключение брака при свидетелях. Религия и обычное право считают мужа главой семьи. «Мужья стоят выше жен потому, что бог дал первым преимущества над вторыми, и потому, что они из своих имуществ делают трату на них»¹². После заключения брачного договора «муж получает полную власть над женою...»¹³. Имущественные права и обязанности супругов определяются принципом раздельности имущества как добрачного, так и на-

⁸ В. Наливкин, М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, Казань, 1886, стр. 201—207; М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон, М., 1880, стр. 243, 248, 295.

⁹ Туркестанский сборник, № 57, вып. 2, стр. 26—63.

¹⁰ Там же.

¹¹ Н. Подварков. Брак и развод у киргизов, Туркестанский сборник, № 541.

¹² Коран, 4, 53.

¹³ Хидая, т. I, стр. 200.

²¹ Н. П. Остроумов. Исламоведение. Шариат, Ташкент, 1912.

²² Н. П. Остроумов. Цит. соч., стр. 38.

²³ Туркестанский сборник, № 563, т. 2, стр. 103—105.

²⁴ Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане, СПб., 1916, стр. 69—113; Туркестанский сборник, № 76, стр. 64; № 382, стр. 65—75; № 496, стр. 1—77; Н. И. Гродеков. Цит. соч., стр. 5—85.

для развода»²¹. Мужу обеспечивается половая свобода. Понятие супружеской измены относилось только к жене. Муж не подвергался ни гражданской, ни уголовной ответственности за несоблюдение супружеской верности «за исключением случая содержания в одном доме с женою наложницы-язычницы. Это может быть рассмотрено как оскорбление религиозного чувства жены, составляющее акт жестокости»²².

Положение жены в семье и рекомендации при выборе невест, помимо норм шариата, нормировались своеобразным «кодексом» приличий на Востоке. Согласно его положениям невеста должна быть девицей. Следует выбирать такую жену, которая превосходила бы мужа четырьмя качествами, а четырьмя уступала ему. Возраст, рост, богатство и происхождение невесты должны быть ниже, чем жениха; красота, характер, приличие и нежность — выше. Кодекс рекомендует избегать женитьбу на женщинах, неспособных к деторождению, способных растратить имущество второго мужа на своих детей от первого брака; на женщинах, которые способны упрекнуть мужа принесенным приданым или своим высоким происхождением. Жена обязана свое настроение согласовывать с настроением мужа²³.

Таким образом, основные положения мусульманского права исходят из неравенства жены с мужем в личных, родительских и имущественных правах. Шариат освещает и оправдывает правовое и фактическое неравенство жены, закрепляет это неравенство, низводя жену до положения домашнего пленника. Бесправное положение женщин приводило к самоубийствам (самосожжению). Среди мужчин ничего подобного не наблюдалось.

Кочевое казахское и киргизское население Туркестанского края в качестве источника брачного права пользовалось адатом. По своему содержанию обычаи казахов отличались особенной строгостью, а также большим разнообразием по одним и тем же правовым институтам брачного права. Основными догматами брачного права казахов являются: «Казах не женится, а его женят», «Выбор невесты зависит от отца жениха»²⁴. Разнообразие казахских брачных и семейных обычаев обуславливалось родовыми традициями. Казах имел право жениться на четырех женах, за которых пол-

ностью уплачивался калым до совершения брака. Муж после заключения брака признавался полновластным господином своих жен. Дочь из рабы отца превращалась в рабу мужа. «Едва ли будет преувеличением сказать, что каждая киргизская (казахская.— К. Т.) семья обязана своим происхождением акту произвола, действию чужой воли...»²⁵. Возраст невесты был весьма ранним — 11—12 лет. Если невеста была старше жениха на два-три года, а иногда на пять-десять лет, на это не обращали внимание. В случае смерти невесты родители обязаны были выдать замуж другую, непросватанную девицу или женщину. Если у отца не было непросватанной дочери, то он мог «занять» невесту у брата или ближайшего родственника и выдать ее замуж как свою дочь. Взамен «занятой» невесты отец должен был отдать свою дочь, которая родится у него или у его родственника²⁶. Личные, родительские и имущественные права в семье принадлежали отцу, а после замужества — мужу. Согласно обычаю, «женщина владеет собою и за себя одну отвечает». Имущество мужа при жизни жены не делится с женой и признается нераздельным имуществом мужа, а поэтому наследниками почти всегда являются только одни мужчины²⁷. При многоженстве старшая жена («байбиче») пользуется почетом, является хозяйкой дома, в подчинении которой находились последующие жены («токал»). Весь труд по хозяйству лежал на казахской женщине.

Казахская женщина не имела право на развод, за исключением случая доказанной неспособности мужа к сожительству и в случаях оставления жены без содержания в течение шести месяцев и десяти дней. Встречались и браки по любви, о чем свидетельствует обычай «кул-салу». Бесправное положение жены объясняет большое количество самоубийств среди женщин-казашек.

Таким образом, в единой по форме восточной семье Туркестанского края различаются следующие основные типы семьи оседлого и кочевого населения: 1) дехканская семья узбеков, таджиков и семья скотоводов-кочевников, бедняков, середняков; 2) городская семья кустарей, ремесленников и мелких торговцев; 3) семья городской буржуазии, сельских помещиков у оседлого населения, богатых скотоводов, крупных торговцев; 4) сословная семья ходжи, сеидов у оседлого населе-

²¹ Н. П. Остроумов. Исламоведение. Шариат, Ташкент, 1912.

²² Н. П. Остроумов. Цит. соч., стр. 38.

²³ Туркестанский сборник, № 563, т. 2, стр. 103—105.

²⁴ Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане, СПб., 1916, стр. 69—113; Туркестанский сборник, № 76, стр. 64; № 382, стр. 65—75; № 496, стр. 1—77; Н. И. Гродеков. Цит. соч., стр. 5—85.

²⁵ Н. Малышев. Обычное семейное право киргизов, Ярославль, 1902, стр. 11—12, 20.

²⁶ Туркестанский сборник, № 290, «Русский Вестник».

²⁷ Н. Малышев. Цит. соч., стр. 51—56.

ния и семья родовой знати («белая кость») у кочевых народов. Первые два типа семьи являлись моногамными, третий и четвертый — чаще всего полигамными.

Основными правовыми институтами, характеризующими строй семьи оседлого населения — узбеков, таджиков — являются затворничество женщин, ношение паранджи и чачвана, раннее брачное совершеннолетие девушек (с девятилетнего возраста), уплата мехра, калыма, половая свобода мужа, ограниченное право на развод у жены и неограниченное у мужа, раздельность имущества супругов, уменьшение наследственной доли женщины по сравнению с долей мужчин.

Правовые институты семьи кочевого населения характеризовались в основном теми же правовыми институтами, что и у оседлого. Кроме того, правовые институты казахов имели свои особенности: сватовство за малолетних, а иногда и неродившихся, обязанность замены «высватанной» невесты в случае ее смерти, обычай аменгерства, т. е. обязанность вдовы выйти замуж за родственника или родича покойного мужа, отсутствие права на развод.

В середине шестидесятых годов XIX века завершается присоединение Туркестана к России. В 1865 г. была образована Туркестанская область. 6 августа этого года было утверждено «Временное Положение об управлении Туркестанской областью», узаконившее существование судов казиев для оседлого населения и судов биев для кочевого. В Ташкенте и других населенных пунктах за населением сохранилось право на самоуправление. Однако письменного постановления на этот счет не было. Царское правительство возложило управление краем на военную администрацию, которое способствовало сохранению феодальных отношений, угнетению и порабощению восточных народов края.

Присоединение Туркестана к России имело огромное прогрессивное значение для края. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 21 мая 1851 г. писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость, ... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей в Центральной Азии»²⁸.

При изучении этого сложного исторического процесса необходимо исходить из положения В. И. Ленина: «Безусловным требованием марксистской теории при разработке какого

²⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 241.

бы то ни было специального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки»²⁹.

«Временное Положение об управлении Туркестанской областью» не нормировало правовые основы деятельности судов казиев и биев, которые продолжали осуществлять правосудие. Впервые правовое положение, порядок надзора за решениями казиев и биев были разработаны в проекте «Временного Положения об управлении Туркестанским краем» от 11 июля 1867 г., одобренное ташкентскими улемами — учеными-законооведами. Во главе управления краем стоял генерал-губернатор, во главе управления области — военные губернаторы, а во главе уездов — уездные начальники, что соответствовало должностям беков, ханской администрации. Полномочия уездного начальника, на которого был возложен надзор за судебными решениями казиев и биев, не вносили кардинальной ломки в правовые понятия населения Туркестанского края, так как уездный начальник имел право изменить или отменить решения казиев и биев. На оседлое и кочевое население, исповедовавшее ислам, не были распространены законы России о браках магометан³⁰. Авторы «Временного положения об управлении краем» («Степная комиссия») признавались в том, что русская администрация не знает жизни оседлого населения Туркестана. Учитывая опыт управления Туркестанской областью, «Степная комиссия», «озабочиваясь об улучшении положения мусульманской женщины»³¹, признала необходимым возложить надзор за решениями казиев и биев на русскую администрацию, которой принадлежало право окончательного разрешения брачно-семейных дел. Организация судов казиев и биев, их компетенция по делам брачно-семейных правоотношений являлись не только вопросами судеустройства, но и вопросом признания в качестве источников материального права норм шариата и адата. Надзор русской администрации, на первых порах административный, а впоследствии судебно-прокурорский, был единственной правовой формой охраны и защиты женщин. «Положение об управлении Туркестанским краем» от 11 июля 1867 г. вводилось в действие сроком на пять лет, поэтому был выработан новый проект управления краем 1873 г., в котором имелось положение следующего содержания: «ст. 85. Внутренний быт инородцев охраняется на основании народных обычаев, насколько оные не противоречат

²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 400.

³⁰ К. Малышев. Особое приложение к Курсу общего гражданского права, СПб., 1880, стр. 337.

³¹ ЦГА УзССР, ф. И-1, КТГЛ, оп. 27, д. 60-А, стр. 113.

понятием о *человеколюбии* (курсив. — К. Т.) и основным началом сего Положения». Проект Положения не получил утверждения, однако ст. 85 вошла в «Положение об управлении Ферганской областью».

В 90-х годах прошлого века необходимость защиты и охраны прав женщины мотивировалась уже политическими соображениями. Суд — «это, может быть, самая чувствительная струна в быте» населения³².

В чем же выразилась прогрессивная роль России в области брачных и семейных правоотношений в восточной семье оседлого и кочевого населения Туркестанского края?

Русская администрация упразднила должности ханской администрации, тем самым разрушив вековые традиции. Была упразднена должность верховного судьи казы-каляна, осуществлявшего руководство и надзор за деятельностью казиев. Упразднилась и должность казы-раиса, следившего за нравственностью супругов, воспитанием детей. В связи с этим ослаблялся повседневный надзор за бытом семьи и открывался путь для проникновения культурного влияния в восточную семью. Ислам лишился верного стража, осуществлявшего надзор за бытом восточной семьи³³.

Теперь казии остались единственными представителями ханской администрации, официально включенными в механизм управления Краем, принявшими на себя функции казы-раиса. Наряду с духовенством казии превратились в блюстителей нравственности, оказывая правовое и идеологическое влияние на быт восточной семьи. Казий превратился в глазах населения в единственно официально признанного служителя новой администрации, ревнителя религии.

К числу первых вопросов, поставленных на решение администрации Туркестанского края, является вопрос освобождения рабов и рабынь.

а) принудительная выдача замуж рабынь по нормам шариата с уплатой калыма бывшим рабовладельцам. В борьбе с правами бывших рабовладельцев администрация оказалась бессильной. Ссылаясь на нормы шариата, бывшие рабовладельцы обошли предписания об освобождении рабов. Освобожденные рабы получили новое наименование «джура»

³² Туркестанский сборник, № 23, стр. 20; Отчет тайного советника Гирса, СПб., 1882, стр. 104—113; ЦГА УзССР, ф. И-1, КТГГ, оп. 27, д. 60-А, стр. 113—332.

³³ В. А. Ефимов. Лекции по истории Римского права, СПб., 1898; Рудольф Иеринг. Дух Римского права. О «нравственно-полицейской власти цензора», ч. I, СПб., 1875, стр. 165—168.

и приобрели новый правовой статус «вольноотпущенников», а бывшие рабовладельцы — статус патронов³⁴;

б) использование брачного договора для продажи и увоза в рабство жен. По этой категории дел администрация добилась некоторых успехов, но только в тех случаях, когда жены обращались за помощью к русской администрации;

в) борьба с хищением женщин в пограничных с Бухарским ханством районах для продажи в рабство, используя при этом форму брачного договора. Администрации не всегда удавалось добиться положительных результатов;

г) право убежища, предоставленное бежавшим из рабства рабам и истребование их жен и детей из Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Здесь администрация редко добивалась положительных результатов.

На разрешение администрацией края был поставлен вопрос о правовом положении женщин, вышедших замуж, но оставшихся без средств к существованию (по шариату они называются «мафкудам»). Чимкентский казий в 1873 г. представил генерал-губернатору ривоят, в котором писал, что женщина, оставленная мужем без средств, должна оставаться в замужестве от 70 до 90 лет, считая со дня рождения жены, после чего могла выйти замуж³⁵. Во втором ривоите этот же казий пишет, что оставленная мужем жена без средств может выйти замуж по истечении четырех лет со дня пропажи и, наконец, после истечения шести месяцев и десяти дней со дня непредоставления «пропитания» жене. Администрация Туркестанского края дала указание о применении в подобных случаях срока в шесть месяцев и десять дней³⁶.

Большое количество заявлений поступало к русской администрации по вопросу об условиях брачного договора — уплате калыма. В связи с этим администрация в 1873 г. поставила на разрешение Съезда ташкентских казиев пять вопросов: об уплате калыма, о заключении брачного договора — «никах», обычаев сватовства, о непредоставлении средств к жизни («нафака») в течение шести месяцев и десяти дней. Съезд ответил, что если девушка просватана, но обряд венчания не был совершен, а девушка не желает выходить замуж, то жених теряет на нее право, но уплаченный калым должен быть возвращен. Если обряд венчания был совершен, но муж не предоставлял содержания жене в течение шести месяцев и десяти дней, то жена может выйти замуж за другого. В случае совер-

³⁴ Хидая, т. III, стр. 308—320.

³⁵ Хидая, т. II, стр. 93.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 3458, л. 1—2.

шения брачного договора с несовершеннолетней, которая была оставлена у ее отца, муж, вернувшись через три года, может взять ее к себе, если он оставил жене содержание, достаточное на эти годы. Если же этого содержания было недостаточно, то отец может выдать замуж свою дочь за другого, вернув калым³⁷.

Актуальным вопросом административной практики был вопрос о минимальном брачном возрасте невесты. Зарегистрированы многочисленные случаи, когда казии присуждали «мужьям» 9—11-летних девочек, которых случайно видели на крышах соседних домов. Только после вмешательства русской администрации казии отказывали «мужьям» в иске³⁸.

Обычай выдачи замуж малолетних являлся для судьбы узбекской женщины крайне тяжелым. Еще тяжелее положение было у девушек-казашек. Среди казахов широко применялось сватовство за малолетних и даже неродившихся. Многие девушки-казашки обращались к русской администрации с просьбой освободить их от обязанностей выходить замуж за женихов, за которых они были просватаны до рождения или в малолетстве³⁹. Администрация края в этих случаях облегчала участь жалобщиц. 13 биев Чимкентского уезда вынесли решение о предоставлении невесте, достигшей возраста 13 лет и шести месяцев, право выбора жениха, так как «по русским законам нельзя насильно выдавать ее замуж за человека, за которого она не желает»⁴⁰, обязав родителей вернуть калым жениху. Однако, когда по требованию русской администрации девушки и женщины освобождались от вступления в брак, обиженные женихи и родичи прибегали к «баранте»⁴¹, которая достигала больших размеров. Сохранился обычай хищения, тайного увоза невест. Русская администрация принимала меры против этого. Оправдывая свои действия, похитители ссылались на высокие нормы калыма.

Самым острым вопросом, вытекавшим из брачного права, был вопрос о разводе по инициативе жены. Уплата калыма за невесту предопределяла судьбу неродившейся, малолетней, несовершеннолетней и даже совершеннолетней. После уплаты калыма невеста обязана ждать жениха даже в случаях осуждения его к тюремному заключению или каторжным работам.

³⁷ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 3418, л. 1—10; д. 6826, л. 1—28; д. 3779.

³⁸ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 3413; д. 3935.

³⁹ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 3242, л. 1—17; Юзефович. Обычай киргизов Семиреченской области, Туркестанский сборник, № 224.

⁴⁰ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 32—42, л. 1—7; д. 3719; д. 3501.

⁴¹ «Баранта» — самоуправный насильственный угон скота, принадлежавшего родителям невесты, игравший роль возмездия за несоблюдение гражданско-правовой сделки о заключении брака.

Зарегистрирован случай, по которому жених требовал выдачи ему невесты на том основании, что калым был уплачен 40 лет назад, до предъявления требования о выдаче невесты. Когда недовольные стороны обращались в суд, казии или бии присуждали невест истцам. Поэтому нередко невесты обращались к русской администрации, которая в таких случаях освобождала их от обязанности выходить замуж, но требовала возврата калыма.

Если в этом вопросе и были достигнуты некоторые успехи, связанные с охраной прав женщин, то значительно сложнее решался вопрос о расторжении брака. Хотя ислам и считает развод «самым тяжелым и трудным из противных богу актов»⁴², мужья бесцеремонно пользовались свободой разводов. Жены, доведенные до отчаяния, искали освобождения от цепей семейного рабства в исках о расторжении брака даже в тех случаях, когда шариат не предоставлял им права на развод.

Казии отказывали женам в разводах даже тогда, когда муж оказывался психически больным или больным проказой⁴³. Администрация края во всех случаях обращения женщин за помощью оказывала воздействие на решения казиев, которые вынуждены были разводить жен, обязывая их вернуть калым.

К помощи русской администрации с просьбами о расторжении брака обращались чаще всего жены, проживавшие в городах. Редко жене, проживавшей в сельской местности, удавалось добраться до уездного начальника. Сельское население находилось под влиянием духовенства и казиев в большей степени, чем городское.

В этот период времени майором Лысенко — одним из администраторов края — были сделаны попытки кодифицировать семейное право оседлого населения, которые не увенчались успехом. Чиновники Бродовский, Загряжский, Баллюзек осуществили кодификацию казахского обычного права и составили частные кодификации норм казахского обычного права⁴⁴.

Н. Н. Гродеков изучил и систематизировал обычаи казахов и киргизов Сырдарьинской области⁴⁵.

⁴² Туркестанский сборник, № 542, стр. 164.

⁴³ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 3439, л. 2—63.

⁴⁴ Туркестанский сборник, № 122, стр. 151—202; Этнографическое обозрение, № 3, М., 1897, стр. 67—95; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп 12, д. 1367, л. 1—58; ф. И-17, д. 1614, л. 1—2; д. 3741, л. 21; ф. И-1, оп 27, д. 252, отд. 2 (XVII), л. 20; д. 1497, л. 10; д. 1538, л. 12; оп. 12, д. 1367, л. 22; д. 1614, л. 1; Отчет тайного советника Гирса, СПб, 1882, стр. 113—114.

⁴⁵ Отчет тайного советника Гирса, СПб, 1882, стр. 113—114; Н. И. Гродеков, Цит. соч., стр. 3—6.

Новое положение об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г. было выработано по материалам сенаторской ревизии тайного советника Гирса, которое внесло радикальные изменения в порядок надзора за деятельностью казиев и биев, передав его прокуратуре и суду. В результате было осуществлено «разделение властей», которое было непонятно для оседлого и кочевого населения. Прокуратура имела право опротестовать решения казиев только по формальным основаниям, благодаря чему усилилась независимость казиев и биев в решении семейно-брачных дел и одновременно упало влияние начальников уездов. Прокурорский надзор затягивал время рассмотрения жалоб женщин.

Период времени с 12 июня 1886 г. до Октябрьской революции характеризуется сохранением злободневности решения освещенных ранее институтов брачного права оседлого и кочевого населения; казии начали выносить диаметрально противоположные решения по одному и тому же делу благодаря «софистическим ривоятам». Правовой основой для такой практики судов казиев являлись противоречия корана. Теория мусульманского права разработала учение об отмене одних стихов корана и замене их другими, т. е. теорию «наسخэ». Отмененные стихи корана встречаются в 63 главах корана из 111, в 58 главах нет отменяющих статей и положений, а в шести главах — только отменяющие стихи, но нет отмененных. По этому можно судить, какой произвол допускается кораном при решении брачных и семейных дел, откуда и произошел термин «софистические ривояты». В связи с тем, что нормы адата носили областной характер, а также благодаря переходу кочевого населения к оседлому образу жизни, под влиянием мулл-казахов, получивших религиозно-правовое образование в мечетях Бухары, Самарканда и Коканда, нормы адата стали толковаться и как нормы шариата. Сложилась новая практика в судах биев, которая нередко сводилась к насильственному примирению сторон, к окончанию дела «полумиром»⁴⁶.

В 1900 г. при обследовании судов казиев и биев было установлено, что при заключении брачного договора ташкентские казии включают четыре условия: муж не должен оставлять свою жену без средств к жизни на срок более чем шесть месяцев и десять дней; муж не должен бить жену без оснований и «причинять ей синяков или ранений»; чтобы без согласия жены он не увозил ее «в другие земли»; без согласия жены муж

⁴⁶ Н. П. Остроумов. Коран и прогресс, Ташкент, 1901, стр. 151—159; Туркестанский сборник, № 383, стр. 189.

не имеет права жениться на другой. В Бухарском ханстве в «никах» включались только первые два условия из приведенных выше⁴⁷.

Проблема борьбы с выдачей замуж малолетних и несовершеннолетних в 90-е годы прошлого века приобрела новое содержание. В октябре 1887 г. женщины-врачи, работавшие в Туркестанском крае, Н. Н. Гундиус, А. В. Пославская и Н. Мандельштам подали докладную записку генерал-губернатору об устройстве специальной амбулатории для женщин и детей. Женские амбулатории были открыты в Ташкенте, Коканде, Маргелане, Намангане, Самарканде, Ходженте⁴⁸. Оказывая медицинскую помощь, врачи доказали, что ранние браки девушек ослабляют физическую и умственную жизнь малолетней супруги, влекут за собой раннее старение и даже вымирание. Было доказано, что наступление половой зрелости девушек-узбечек относится к 15—16 годам. Этим самым было опровергнуто мнение, что девушки-узбечки, таджички и казашки достигают половой зрелости ранее девушек-европеек. Вопрос о вреде ранних браков стал настолько острым, что военные губернаторы областей стали нормировать минимальные брачные возрасты невест. Военный губернатор Семиреченской области издал циркуляр за № 15/13 от 17 марта 1895 г., в котором на основании ст. 3, т. X, ч. I Законов гражданских запретил вступление в брак лицам мужского пола ранее 18 лет и девушкам — ранее 16. На основании ст. 91 Законов гражданских эти минимальные возрастные брачные цензы были распространены на лица, исповедовавшие ислам. Военный губернатор объявил, что в случае нарушения циркуляра все муллы будут привлекаться к уголовной ответственности по ст. 1579 Уложения о наказаниях и будут отстраняться от должности. Циркуляр действовал до 16 декабря 1899 г.

Военный губернатор Ферганской области в качестве минимального брачного возраста девушек-невест признал возраст в 16 лет и предложил имамам мечети производить метрические записи о рождениях. Это мероприятие было первой попыткой ввести метрические книги для оседлого и кочевого населения, которая не увенчалась успехом. Военный губернатор Самаркандской области предложил считать минимальный брачный возраст невест 15 лет⁴⁹. Минимальные возрастные цензы невест, установленные военными губернаторами, совпадали с

⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 18, д. 61-а, л. 48—49.

⁴⁸ А. Пославская, Н. Мандельштам. Обзор десятилетней деятельности амбулаторной лечебницы для туземных женщин и детей г. Ташкента, Ташкент, 1894, стр. 2—90.

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 18, д. 53, л. 1—60.

возрастными цензами сельского населения всех областей края. Совет Туркестанского генерал-губернатора 8 июля 1900 г. признал преждевременным издание закона, устанавливающего минимальный брачный возраст женихов и невест⁵⁰. В 1904 г. военный министр сообщил генерал-губернатору, что вопрос о минимальном возрасте невест не может быть решен в законодательном порядке и предложил решить его административно, исходя из возрастных цензов, которые были установлены военными губернаторами областей. Таким образом, под влиянием духовенства и казиев администрация Края не решила вопрос о повышении минимального брачного возраста до 15—16 лет.

К концу XIX века судебная практика казиев по делам о расторжении брака, благодаря вмешательству русской администрации, начала признавать за женами некоторое право на развод: в случае, если муж беспричинно нанесет жене побои с оставлением видимых следов избиения; если без позволения жены или ее согласия возьмет вторую жену; если в течение шести месяцев и десяти дней муж не предоставляет жене содержания; если увезет жену без ее согласия с места постоянного жительства на расстояние более трехдневного срока пути; если муж впадет в сумасшествие, окажется прокаженным «махау»⁵¹. Эти же основания для развода применялись среди казахского населения. В остальных областях развод ограничивался случаями прелюбодеяния со стороны жены и неспособности мужа к брачному сожителству. Казахи Сырдарьинской области, по примеру узбеков, начали включать в брачный договор условие об акымаре (мехр), об имуществе, идущем в пользу жены на случай развода.

Новой проблемой семейного права оседлого и кочевого населения явился вопрос о браках лиц разных вероисповеданий. Впервые он возник в 1869—1870 гг. В 1899 г. генерал-губернатор Края внес проект об упрощенном порядке усыновления детей, прижитых от внебрачного сожителства христиан с мусульманками, и в связи с этим просил об издании специального закона, аналогичного приложению к ст. 1093 Законов России о состояниях, в силу которого метрические записи о рождении детей раскольнических браков велись городской или сельской полицией. Однако этот вопрос не получил положительного разрешения⁵².

Одновременно было внесено предложение о распростране-

⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 18, д. 53, л. 14.

⁵¹ В. Наливкин, М. Наливкина. Цит. соч., стр. 229; ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 5147, л. 8; ф. И-18, оп. 1, д. 7075, л. 7—8.

⁵² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 2614, л. 18; ф. И-17, д. 5147, л. 20—28.

нии на жен, мужья которых осуждены к каторжным работам, Общих Законов России, согласно ст. 27, ч. I, примечание по продолжению 1895 г.; ст. 46, ч. I, примечание 2 по продолжению 1895 г., Уложения о наказаниях, разрешающих женам ссыльных выходить замуж⁵³. Это предложение также не получило положительного решения. На территории Туркестанского края проживали язычники — цыгане, айсоры и другие национальности. Администрация края предложила руководствоваться ст. 90, ч. I, т. X Законов гражданских России, на основании которой язычникам позволяется вступать в брак по правилам их закона или по принятым обычаям без участия «гражданского начальника». Но и этот вопрос не получил своего положительного решения⁵⁴.

К концу XIX века административная, судебная-прокурорская практика в Туркестанском крае по брачно-семейным делам была настолько разнообразна, что возникла необходимость кодификации норм шариата. В это время в судах казиев получили широкое распространение «софистические ривояты», а в судах биев «эрежэ» — руководящие «сенатские» решения, обобщавшие практику по аналогичным делам съездов биев, которые приобрели характер источников права по брачным и семейным делам.

Если нормы адата были уже изучены и систематизированы в частных кодификациях, то кодификация норм шариата не была еще осуществлена. Майор Лысенко, изучивший нормы шариата, пришел к выводу, что самое большое количество изменений в традиционную редакцию шариата было внесено в институты брачного и семейного права.

Для нужд административной и судебной-прокурорской практики в 1888 г. был издан перевод труда профессора Альфреда фон Кремера «Мусульманское право», хотя уже имелись такие переводы сочинений профессора барона Торнау.

В 1908 г. В. Н. Наливкин издал «Конспект лекций по истории ислама и мусульманскому праву», которое наиболее полно отражает особенности шариата с учетом норм обычного права. Почти одновременно Н. П. Остроумов издал «Мусульманское законоведение», которое частично могло быть использовано в судебной-прокурорской практике, так как не отражало всех институтов семейного права.

В 1893 г. для нужд административной и судебной-прокурорской практики был осуществлен перевод с английского языка важнейшего источника мусульманского права — «Хидаи —

⁵³ ЦГА УзССР, ф. И-17, д. 5147, л. 20—28.

⁵⁴ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 20, д. 5134.

комментария мусульманского права» в четырех томах под редакцией Н. И. Гродекова. Хидая также не могла удовлетворить потребности практики, так как предназначалась для мусульман Индии.

Кодификацию норм шариата удалось осуществить в 1909 г. в связи с ревизией администрации края сенатором К. К. Паленом. Был созван Съезд ученых юристов с представителями русской администрации. Кодификация охватила только нормы семейного права. Кодификация шариата подтвердила основные положения мусульманского брачного права. «Шариатские статьи...» допускали развод в трех случаях: а) когда брак заключен с малолетним или малолетней, которые по достижении половой зрелости заявили свое несогласие на брачное сожителство; б) при половом бессилии мужа и отказа его от своих супружеских прав, но только в том случае, если судья постановит свое решение; в) при обвинении жены в прелюбодеянии. Грубое обращение мужа, непредоставление содержания жене, супружеская неверность мужа не давали право жене на развод. Таким образом, «Опыт систематического изложения главнейших начал шариата» сохранил принцип деспотизма в семейно-брачных отношениях, которые в некоторых случаях были доведены до крайнего унижения женского достоинства⁵⁵.

«Опыт систематического изложения главнейших начал шариата, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края» был положен в основу проекта Положения об управлении Туркестанским краем, разработанным в январе 1917 г., который содержал специальную главу «О браке лиц мусульманского вероисповедания»⁵⁶. Основным положением проекта был брачный договор, в который должны были включаться: имена, отчества или прозвища брачащихся; взаимное согласие на брак; сведения об имуществе, выделяемом женой для брачного сожителства (если жена этого пожелает); обеспечение мужа в пользу жены (мехр); брачные подарки мужа, подписи свидетелей по две с каждой стороны. Брачные договоры должны были регистрироваться казиями. Проект допускал многоженство, но ограничил его правилом, что второй и последующие браки заключаются с согласия жены. Проект Положения ввел законные поводы для развода: нарушение одной из сторон, или обеими сторонами супружеской верности (многоженство мужа не считалось нарушением супружеской верности); невозможность брачного сожителства из-за физи-

⁵⁵ Н. П. Остроумов. Исламоведение, 4, Шариат, Ташкент, 1912, стр. 28.

⁵⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп 27, д. 60, л. 105—110.

ческого недостатка; в случае оскорбления одной из сторон (или взаимно) позорным наименованием, касающимся целомудрия и нравственности; жестокое обращение со стороны мужа и непредоставление средств для жизни жене. Сравним поводы для развода по проекту Положения 1917 г. с поводами для развода, применявшимися у магометан России по Общим законам: «Развод у магометан допускается: 1) по требованию жены в следующих случаях: а) лишения мужа всех прав состояния, б) при безвестном отсутствии его в течение пяти лет, в) вследствие супружеской неверности, безумия, оскорбления и полового бессилия мужа; 2) по усмотрению мужа, что возможно, если он совершеннолетний, в здравом уме и пользуется свободным произволением, а жена состоит в законном и постоянном браке и не беременна; 3) по обоюдному согласию с вознаграждением мужа за развод; 4) вследствие взаимного отвращения супругов; 5) по обряду проклятия при двух основаниях: а) при обвинении жены в прелюбодеянии и б) непризнании мужем дитяти своим»⁵⁷.

Таким образом, проект Положения об управлении краем сузил основания для расторжения брака для оседлого и кочевого населения, исповедовавших ислам, по сравнению с поводами для развода, применявшимися магометанами России по общим законам.

После присоединения Туркестанского края к России под влиянием проникновения, развития и роста капиталистических отношений ускорился и углубился начавшийся процесс разложения большой, нераздельной узбекской семьи и семьи других национальностей.

На процесс распада узбекской семьи оказали влияние крушение феодальных отношений, интенсивный процесс обезземливания широких слоев дехканства. Выражением процесса распада большой семьи явились разделы между наследниками после смерти отца, хотя морально такие разделы и осуждались. Такой же процесс наблюдался и в городской семье. Основным типом семьи становилась малая «парная» семья, в которой жена приобретала некоторую независимость от старших членов семьи как по мужской, так и по женской линии. По этим же причинам, в связи с начавшимся процессом оседания кочевого населения, начался и интенсивный процесс распада большой казахской семьи. Увеличились разделы и выделы из большой семьи. «Парная» семья становилась типичной формой семьи и у казахов.

⁵⁷ А. И. Загоровский. Курс семейного права. Одесса, 1909, стр. 161—162.

Итак, подведем итог вышесказанному.

Законодательство России о браках магометан не было распространено на оседлое и кочевое население Туркестанского края. Поэтому на первых же порах после присоединения Туркестанского края к России выявилась необходимость правового урегулирования основных институтов брачного права.

Семейное право Туркестанского края является самостоятельной отраслью права, отличающейся специфическими особенностями.

В качестве источников брачного права Туркестанского края применялись Положение об управлении Туркестанским краем от 12 июля 1867 г.; аналогичное Положение от 11 июля 1886 г. и основанные на них подзаконные акты, исходившие от генерал-губернатора, Совета генерал-губернатора, областных правлений, военных губернаторов, начальников уездов, протестов прокуратуры и решений областных судов; нормы шариата, применявшиеся в судах казиев; нормы адата, применявшиеся в судах биев; национальные обычаи оседлого и кочевого населения.

Отсутствие источника права, нормировавшего браки магометан, вызвало необходимость изучения и нормирования брачного права оседлого и кочевого населения края, исходя из Положений об управлении Туркестанским краем. Поэтому семейное право края отличается сложностью, фрагментарностью, наличием разнообразных источников права.

Хотя врачи женских амбулаторий края опровергли «теорию» о ранней половой зрелости девушек коренных национальностей и русская администрация ставила вопрос перед военным министром о повышении минимального брачного возраста невест до 15—16 лет в законодательном порядке, вопрос этот не получил своего решения.

Организация и правовые основы судебной деятельности казиев и биев являлись одновременно проблемой судостроительства и проблемой признания в качестве источников права норм шариата и адата.

Администрация края не стояла на защите прав угнетенных народов. Однако в целях привлечения доверия женщин, а также по политическим соображениям, русская власть осуществляла надзор за деятельностью судов казиев и биев. Надзорная деятельность русской администрации была единственной правовой формой ревизии судебных решений казиев и биев, которая осуществлялась путем административного акта (с 12 июля 1867 г. до 11 июня 1886 г.), протеста прокурора и решения русского суда (с 11 июня 1886 г. до 7 ноября 1917 г.).

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР, ХОРЕЗМСКОЙ И БУХАРСКОЙ НСР

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, которая установила «...равные права женщин с мужчиной во всех областях государственной, хозяйственной и культурной жизни»¹. Брачно-семейные отношения, служившие источником приниженности и рабской подавленности женщин в семье и в быту, были сметены. Революция положила начало формированию советской, высшей формы семьи, правового и фактического раскрепощения женщин советского Востока. «Никого не унижает более глубоко такое преступление, как содержание женщин в рабстве, чем самого мужчину» (Фурье)². «Семья, — говорит Морган, — активное начало; она никогда не стоит на месте, а переходит из низшей формы в высшую, по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей»³. Семья включает в себя нормы нравственности, определяющие духовную связь супругов и членов семьи, на которые оказывают влияние идеологические взгляды данного общества, религиозные догматы; экономический базис, т. е. комплекс имущества, образующий собственность семьи; правовые нормы, закрепляющие и воздействующие на формирование личных и имущественных отношений между супругами, родителями и детьми. В. И. Ленин указывает, что «отношения между полами не являются просто выражением игры между общественной экономикой и физической потребностью. Было бы не марксизмом, а рационализмом стремиться свести непосредственно к экономическому базису общества изменение этих отношений самих по себе, выделенных из общей связи их со всей идеологией»⁴.

¹ «Правда», 2 ноября 1961 г.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 214.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Госполитиздат, 1951, стр. 28.

⁴ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1955, стр. 48—49.

Необходимым условием перехода от шариата и адата к новой, высшей форме права — советскому семейному праву является: установление диктатуры пролетариата, образование социалистической собственности и новых производственных отношений, ликвидация патриархально-феодалного уклада, раскрепощение женщин и вовлечение их в общественное производство. Руководящей и направляющей силой в борьбе за советское семейное право в Узбекистане явилась Коммунистическая партия.

Народный Комиссариат по национальным делам писал, что наиболее яркими мусульманами являются оседлые народы, что хранителем заветов мусульманства в наиболее нетерпимой форме является духовенство, что если за время, прошедшее со дня присоединения Туркестана к России, религиозный фанатизм ослабел у городского населения, то в среде сельского населения религиозный фанатизм сохранил свое значение. Положение женщин-узбечек и женщин кочевого населения оставалось крайне тяжелым⁵. Переход семьи европейцев, проживавших в Узбекистане, к новой высшей форме семьи был уже отчасти подготовлен капиталистической системой производства. «Промышленность создает для женщины новое и совершенно независимое от семьи и мужа положение»⁶.

Женщины-узбечки и женщины кочевого населения не испытывали на себе этого влияния, так как они продолжали оставаться в затворничестве, в рабской зависимости от отца, мужа, родственников по мужской линии. Формирование советской узбекской семьи определяется своеобразием семейного права узбеков по сравнению с семейным правом европейцев, проживавших в Узбекистане.

Начало советскому семейному праву было положено декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и декретом «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г.⁷, которые были опубликованы 10 и 14 января 1918 г. советским правительством Туркестанского края⁸. Этими декретами было положено начало первому этапу унификации семейного права — единого права для всех национальностей советского государства.

Декрет о гражданском браке в статье о брачном возрасте жениха и невесты содержал специальное указание для жителей Закавказья. Минимальный брачный возраст жениха был

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-36, оп. 1, д. 4, л. 15—16; д. 31, л. 1—11.

⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 548.

⁷ СУ РСФСР, 1917, № 11, ст. 160; № 10; ст. 152.

⁸ «Наша газета», 10 января 1918 г., 14 января 1918 г.

установлен в 16 лет, а невесты — 13. Никаких упоминаний о брачных возрастах жениха и невесты узбеков и других национальностей установлено не было. Духовенство и казии считали, что декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке...» распространялся только на европейское население. Началась организация деятельности органов регистрации актов гражданского состояния, но существование судов казиев и биев⁹ являлось препятствием для восприятия новых норм советского семейного права. Насколько вопрос об организации судов казиев и биев был сложным и острым в политическом отношении, говорит такой факт. На краевом съезде мусульманских буржуазных националистов «Шуро-исламия», «Улема» (высшее сословие мусульманских законоведов и богословов), «Алаш-срда» в Коканде обсуждались вопросы об автономии Туркестана, о судопроизводстве на основании норм шариата и утверждении закона, который обязывал бы женщин носить паранджу. На IV съезде Советов Туркестанской республики улемисты предложили свою поддержку Советской власти, но обусловили это предложение требованием о принятии решения об управлении «коренным населением по нормам шариата»¹⁰. Приказом СНК Туркестанского края от 4 мая 1918 г. за № 80 суды казиев и биев из ведения НКВД были переданы в ведение НКЮ¹¹. Таким образом, административный надзор за судебной деятельностью казиев заменялся судебно-прокурорским. 28 августа 1918 г. была создана совещательная коллегия из пяти русских и трех мусульманских правоведов, которая должна была решать вопросы, связанные с применением в судах норм шариата и адата¹².

Всероссийский съезд Советов 10 июля 1918 г. принял первую Советскую Конституцию РСФСР, предоставившую равноправие гражданам независимо от национальной и расовой принадлежности¹³. IX съезд Советов Туркестана утвердил Конституцию Туркестанской АССР, в которой учитывалась психология и религиозность трудящихся¹⁴.

III съезд Коммунистической партии Туркестана признал, что советское строительство в республике только начинается.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-36, д. 28, л. 9—12; ф. Р-38, д. 30, л. 200; ф. Р-25, оп. 1, д. 35, л. 38, 121—231.

¹⁰ Н. А. Смирнов. Современный ислам, М., Изд-во «Безбожник», 1930, стр. 189.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 302, л. 190—200; ф. Р-27, оп. 1, д. 256, л. 173.

¹² ЦГА УзССР, ф. Р-38, д. 30, л. 5.

¹³ История Советской Конституции, Сборник документов 1917—1957 гг., М., Изд-во АН СССР, 1957.

¹⁴ История советского государства и права Узбекистана, т. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 33—36.

9 июля 1919 г. VII сессия ЦИК Туркеспублики ввела в действие Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве¹⁵. Введение в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке знаменовало собой новый этап в развитии советского семейного права Узбекистана. Если вначале декрет о расторжении брака был воспринят, то с 9 июля 1919 г. начинается борьба за восприятие и внедрение в быт норм советского семейного права. Кодекс содержал ряд важнейших положений, оказавших решающее влияние на формирование советской семьи, закрепил заключение интернациональных браков (ст. 71 К), нормировал правила недействительности брака, что имело важнейшее значение для формирования советской семьи (ст. 81 К). Кодекс не устанавливал общности имущества супругов (ст. 105 К), что не вносило радикальных изменений в правовой статус восточной семьи, так как это не противоречило нормам мусульманского права. Кодекс подтвердил основные положения декрета о расторжении брака, на основании которого допускался развод как по желанию обоих супругов, так и по желанию одного из них (ст. 87).

Особенностью семейного права Туркестанской республики является то, что декрет «Об отмене наследования» от 4 мая 1918 г. на узбекскую семью и семьи других восточных национальностей распространен не был¹⁶.

Специальная комиссия НК по национальным делам в докладе СНК Туркеспублики в августе 1919 г. отмечала, что применение Кодекса законов о браке, семье и опеке в условиях гражданской войны нежелательно, так как жизнь мусульман нормируется постановлениями шариата и адата, идущими в разрез с принципами Кодекса, а потому НК по национальным делам считал необходимым вносить коррективы в постановления Кодекса¹⁷.

Коллизия норм советского семейного права с нормами мусульманского брачного права являлась одной из самых острых и сложных проблем советского строительства. 31 января 1920 г. ТуркЦИК утвердил «Положение о Комиссии по согласованию законоположений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства с шариатом и адатом». Комиссия была создана в составе трех правоведов по шариату, трех — по адату, двух — с европейским юридическим образованием и одного представителя от Турккомиссии. Комиссии предлагалось

пересмотреть все опубликованное законодательство и внести проекты изменения в законодательство РСФСР¹⁸. Проработав некоторое время, комиссия прекратила свою деятельность, не оставив никаких материалов. При НКЮ была организована новая комиссия (вторая), но и она не выполнила возложенных на нее задач. 23 апреля 1921 г. уже при СНК Туркестана была создана еще одна комиссия (третья) по изучению быта коренного населения, но и эта комиссия не оставила никаких следов о своей работе¹⁹. Неудачи трех комиссий, созданных для устранения коллизии между нормами советского семейного права и нормами мусульманского брачного права, объяснялись коренными, взаимоисключающими друг друга, принципами советского и мусульманского права. В результате этого сложилась система правового дуализма в области семейного права.

29 сентября 1920 г. был созван Съезд судебных работников Туркестанской республики, который признал, что никакого согласования норм советского семейного права с нормами шариата и адата осуществлено быть не может. Речь могла идти лишь об исключениях и применении отдельных норм шариата и адата, что могло быть нормировано изданием специальных циркуляров по отдельным вопросам брачного и семейного права. Съезд осуществил кодификацию отдельных норм советского семейного права, применяемых в советских судах. Съезд распространил право развода на мусульманских женщин и постановил просить НКЮ поставить перед правительством вопрос об издании декрета о запрещении калыма, многоженства, браков с малолетними и установить карательные нормы за нарушение этих запрещений²⁰.

Было признано необходимым временно сохранить выдачу «никах хат» (брачный договор), хотя было высказано пожелание, чтобы народные суды приняли меры к уничтожению этого пережитка прошлого. Был установлен срок в сто дней, после которого в случаях расторжения брака допускался новый брак, в целях устранения споров об отцовстве. Таким образом, только в сентябре 1920 г. была обобщена областная практика по брачным и семейным делам и были приняты решения по этой категории дел, обязательной для всех судов Туркестанской республики²¹. НКЮ вынужден был в целях внедрения в

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп 1, д. 212, л. 194—269; д. 359, л. 1—88.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 272, л. 406—409; ф. Р-25, д. 240, л. 63—73; ф. Р-17, д. 313, л. 114.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 320, л. 27.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-38, д. 108, л. 67—94; ф. Р-25, д. 319, л. 78.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп 1, д. 30, л. 1063; Вестник НКЮ ТАССР, № 1, стр. 3—20; № 2, стр. 40.

¹⁶ СУ УзССР, 1918, № 34, ст. 456.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-36, оп. 1, д. 23, л. 36.

судебную практику советского семейного права широко применять издание циркуляров по основным институтам семейного права.

14 июня 1921 г. правительство Туркестанской республики издало декрет о запрещении калыма²², которым одновременно были установлены минимальные брачные возрасты жениха (18 лет) и невесты (16 лет) в соответствии с нормами советского семейного права. Уплата калыма была признана преступлением, за которое виновные должны были привлекаться к уголовной ответственности. Декрет от 14 июня 1921 г. о запрещении калыма — важнейшая веха в истории семейного права, декрет положил начало признанию нового вида преступлений, получивших впоследствии в правовой науке название «бытовых преступлений». Декрет о запрещении калыма распространялся на казахских женщин (казахское население имелось в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях) и на туркменок. Поэтому казии решили, что декрет о запрещении калыма и минимальном брачном возрасте жениха и невесты на узбекское население не распространяется. Революционное воздействие декрета о запрещении калыма было настолько сильным, что в последующие годы ставился вопрос о распространении его и на узбекских женщин.

Декрет о запрещении калыма не был распространен на узбекских женщин в связи с наличием басмачества, предстоящей легализацией судов казиев и биев, восстановлением вакуфов, что укрепляло и усиливало идеологическое влияние духовенства. Декрет от 14 июня 1921 г. свидетельствует, что распад патриархально-родовых отношений протекал более интенсивно среди кочевого и полукочевого населения, хозяйственная роль женщин которых была более значительна, чем в среде оседлого населения.

В октябре-ноябре 1921 г. состоялись объединенные заседания коллегий НК по национальным делам, НКЮ, НКВД и Женотдела ЦК КПТ по вопросу о пересмотре Кодекса законов об актах гражданского состояния (статьи 13,23) и признала необходимым, чтобы согласие невесты на брак было подтверждено путем соответствующей подписки или заявлением не менее двух свидетелей, а также установить минимальные брачные возрасты для узбеков (для жениха — 18 лет, для невесты — 14). Для Ферганской области, где только что было ликвидировано басмачество, комиссия предложила не декретировать минимального возрастного ценза для невест. Решено

²² ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 55, л. 37; ф. Р-36, оп. 1, д. 203, л. 8; ф. Р-38, д. 275, л. 43—44.

было допустить для узбеков и туркмен женитьбу на второй жене при согласии первой. Исходя из того, что «туземные женщины стареют ранее европейских», комиссия признала необходимым установить не известный советскому семейному праву «предельный максимальный брачный возраст туземных женщин», определив его в 40 лет. Необходимость этого добавления мотивировалась «особым положением покрытых женщин», — женщин, носящих паранджу. В семейном праве Узбекистана было признано наличие двух видов семьи — европейской и узбекской. Этим самым признавалось наличие правового дуализма в области семейного права.

При обсуждении ст. 133 Кодекса было внесено предложение при регистрации «мусульман, родившихся вне брака» не делать отметок «кул» (раб) и «харам-заде» (незаконнорожденный).

В отношении европейского населения редакцию ст. 183 было предложено согласовать с декретом о наследовании, а в отношении «туземного населения» ст. 183 Кодекса, как противоречащую мусульманскому праву, исключить. Было признано необходимым все правоотношения, вытекающие из института опеки и попечительства, решать на основании шариата и адата. Решения комиссии представляли собой вынужденную временную уступку мировоззрению узбекского народа, находившегося под влиянием духовенства. В. И. Ленин, выступая на VIII съезде РКП (б), указывал, что узбеки и другие национальности Туркестанской АССР «до сих пор находятся в подчинении у своих мулл»²³.

На I съезде деятелей юстиции Туркестанской республики, созванном в июне 1922 г., слушался специальный доклад, посвященный семейному праву «О затруднении для населения регистрации браков и разводов в регистрационном отделе»²⁴. Представляет большой интерес решение Джетты-Суйского Облгоркома КПТ (Семиреченская область) с представителями областного комитета союза «Кошчи», представителями Облженотдела и южных уездов о браке и расторжении браков среди «коренного населения»²⁵. Было предложено создать специальную «следственно-примирительную камеру» в составе трех-пяти человек, которая бы решала все эти вопросы. Решения «камеры» должны были признаваться окончательными. Почти в это же время в Ферганской области было внесено предложение о создании специального органа неизвестного советскому судоустройству по бракоразводным делам —

²³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 158.

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 1046, л. 321.

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-38, д. 275, л. 56.

«компетенционной комиссии», решения которой также должны были признаваться окончательными²⁶. В 1923 г. казахское научное общество «Талап» выступило с тезисами по вопросу об укреплении казахской семьи. Им было признано, что рабское положение казахской женщины объясняется родовыми обычаями — калымом, сватовством за малолетних, аменгерством. Положение женщины в семье зависело от воли отца, мужа, родича и определялось «казуистикой обычного права». В условиях распада «патриархально-родовой замкнутой общины» казахов увеличилось количество исков о разводе. Авторы тезисов предложили запретить законодательным порядком сватовство за неродившихся и не достигших совершеннолетия, принудительную выдачу замуж несовершеннолетних девушек и достигших совершеннолетия, замену умершей невесты сестрой покойной или ближайшей родственницей, многоженство и аменгерство. В качестве законных поводов для развода общество «Талап» предлагало декретировать следующие основания: обоюдное согласие мужа и жены на развод; расторжение браков с несовершеннолетним мужем (чаще всего в силу обычая аменгерства) или с несовершеннолетней женой; расторжения брака ввиду явного несоответствия возрастов мужа и жены (выше 50 лет муж и ниже 20 жена); в случаях полового бессилия и других физических недостатков. Авторы тезисов признали необходимым организовать специальный волостной суд, на который возлагалась бы обязанность разрешения дел о расторжении брака. Говоря о форме брака, авторы тезисов признали необходимым сохранить регистрацию брака, которую должны были осуществлять избранные для этого представители аульного общества²⁷. Тезисы научного общества «Талап» были одобрены ЦК КПТ.

12 марта 1923 г. казий г. Аулие-Ата (Джамбул) Мубаршихан Саид-Ханов подал докладную записку в Окружной комитет партии в связи с «женским вопросом». Казий предлагал лишить жену права на расторжение брака по ее одностороннему желанию и предоставить это право только мужу, поскольку обеспечение жены возложено на мужа²⁸.

6 апреля 1923 г. НКЮ ТАССР обратился с письмом в ТуркЦИК, в котором сообщил содержание тезисов общества «Талап»²⁹, где отметил, что многоженство запрещено ст. 68 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве; уплата калыма преследуется в

²⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 1, д. 224, л. 284—308.

²⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 764, л. 91—108.

²⁸ С. Любимова. Сдвиги. Ташкент, 1925, стр. 9—14.

²⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 764, л. 91—108.

уголовном порядке на основании декрета от 14 июня 1921 г. и ст. 231 УК; понуждение женщин к вступлению в брак является преступлением, предусмотренным ст. 232 УК. НКЮ Туркестанской республики отверг предложение общества «Талап» о декретировании законных поводов для развода и представил во ВЦИК РСФСР проект постановления о законных поводах расторжения брака³⁰. НКЮ Туркестанской республики отмечал, что, принимая во внимание особенности быта и условия жизни казахского населения, а также рост количества исков о расторжении брака по инициативе жен, необходимо временно ограничить полную свободу развода казахов и казашек и установить следующие законные поводы для развода: импотенция или вообще неспособность к брачному сожителюству одного из супругов; умственное расстройство одного из супругов; безвестное отсутствие одного из супругов в течение трех лет; если жена в течение 6 месяцев не будет получать содержание от мужа; заболевание заразной болезнью (если здоровый супруг не желает оставаться в браке); «невыносимость» совместного сожителюства супругов ввиду истязания или прелюбодеяния; обоюдное согласие на развод обоих супругов.

ВЦИК РСФСР отверг проект НКЮ.

Учитывая необходимость борьбы с обычаями казахского народа в области семейного права, ТуркЦИК с 1923 г. внес во ВЦИК РСФСР два проекта дополнения уголовного Кодекса РСФСР специальной главой «О бытовых преступлениях»³¹. В качестве преступлений признавались сватовство за неродившихся и не достигших совершеннолетия или предварительный брак между малолетними, аменгерство, за нарушение степени родства при вступлении в брак, запрещенный обычаям, при этом заключенный брак должен был признаваться недействительным, что имело важнейшее значение для семейного права. Таким образом, если декрет о запрещении калыма от 14 июня 1921 г. уплату калыма признавал только преступлением, не затрагивая вопроса о недействительности брака, то проекты ТуркЦИКа, внесенные во ВЦИК РСФСР в 1923 г., идут дальше: помимо наказания виновных, брак признавался недействительным, чем по существу воспринимались положения Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, но исходя из национальных обычаев.

Вторая половина 1923 г. характеризуется обсуждением вопроса о защите прав женщин оседлого населения. Было

³⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 519, л. 3.

³¹ Там же.

внесено предложение распространить действие декрета от 14 июня 1921 г. на все мусульманское население Туркестанской республики³². В ноябре 1923 г. ТуркЦИК разработал Проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР о дополнении и изменении статей 19, 20, 23, 24, 32, 35, 59, 100, 145 и 183 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве³³. Проект постановления касался, главным образом, сроков регистрации актов гражданского состояния и усыновления, а также нормировал общие фамилии супругов и фамилии детей.

1 января 1924 г. был созван XII Всетуркестанский съезд Советов, который обсуждал вопросы, связанные с раскрепощением женщин. 8 марта 1924 г. был повторно опубликован декрет ТуркЦИКа об отмене калыма от 14 июня 1921 г. 4—9 мая 1924 г. был созван VIII съезд Коммунистической партии Туркестана, который принял решение о работе среди женщин³⁴.

23 мая 1924 г. был созван XIII съезд РКП(б), обсуждавший вопрос о борьбе за раскрепощение женщин. Исходным, определявшим задачи борьбы коммунистической партии за раскрепощение женщин, явилось положение В. И. Ленина. «Пролетариат не может добиться полной свободы, — говорил он, — не завоеывая полной свободы для женщин». Съезд указал на необходимость борьбы с бытовыми предрассудками, проведения законодательной работы в области раскрепощения восточных тружениц, с тщательным учетом всех местных условий и возможностей³⁵.

16 августа 1924 г. состоялось заседание комиссии по изучению вопросов борьбы с калымом и нарушением минимального брачного возраста, где впервые присутствовали представители узбекского народа, представители от Бухарской и Хорезмской республик³⁶. Комиссия признала, что калым, принуждение несовершеннолетних и совершеннолетних девушек и женщин к вступлению в брак против их воли, насильственное хищение малолетних девочек и девушек для вступления с ними в брак, двоеженство, многоженство являются позорным наследием «прошлого семейного уклада, не соответствующего современному положению женщин» в государстве. Комиссия

³² ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 55, л. 37.

³³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 645, л. 215—216; Хидая, т. 2, стр. 66—71.

³⁴ Газета «Туркестанская правда», 7 марта 1924 г.

³⁵ С. Любимова. Женщина Туркестана должна быть свободной, ГИЗ, 1925; КПСС в резолюциях и решениях съездов, ч. I, 1953, стр. 836.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-64, оп. 1, д. 100, л. 300—331.

предложила уклоняющихся от регистрации брака привлекать к уголовной ответственности, регистрацию брака допускать только по достижении брачующимися минимального брачного возраста. Если брак предварительно не зарегистрирован в ЗАГСе, муллам запрещалось совершать религиозные браки под страхом уголовной ответственности. Комиссия признала необходимым сохранить уплату «мехра», который расценивался как средство экономического обеспечения вступающей в замужество и сдерживающим началом в деле расторжения брака, создающим материальное обеспечение для того, с кем расторгается брак. Комиссия признала недопустимым браки женихов, возраст которых превышал возраст невесты в два раза. По вопросу об «одноженстве» и многоженстве комиссия не пришла к единодушному мнению. Часть членов комиссии считала, что лица, вступающие в брак и скрывшие наличие другого брака, представившие подложные документы о возрасте невесты, подлежат уголовной ответственности по ст. 96 УК РСФСР. Другая часть членов комиссии признала юридически возможным допустить двоеженство.

Процесс ломки старого, реакционного семейного уклада достиг значительных успехов, мимо которых не могли пройти духовенство и казии. Весной 1924 г. в газетах «Зеравшан» и «Туркестан» ряд ученых мулл выступили с новым толкованием Корана. Ученые муллы, ссылаясь на теорию насхэ, утверждали, что Магомет никогда не говорил о чадре, о строгости законов затворничества. Даже казий Мубарши-хан Саитханов, который горячо протестовал против предоставления женщинам права на развод, пытался доказать, что в «женском вопросе» революционность советских законов ясно усматривается в постановлениях ислама³⁷. Начиная с 1924 г., на основании постановления Коллегии НКЮ, казиям было предложено не разбирать дела, вытекающего из семейного права, в отсутствие представителей партийных комитетов, Женотдела или союза «Кошчи»³⁸. Предлагалось рассматривать подобные дела гласно, чтобы показать преимущество советского суда перед судом казиев.

22 октября 1924 г. ЦИК и СНК Туркестанской республики приняли постановление № 179 о введении на территории республики постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «О дополнении Кодекса законов об актах гражданского состояния согласно местным бытовым условиям Туркестанской республики».

³⁷ С. Любимова. Сдвиги, Ташкент, 1925, стр. 10—14.

³⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 1804, л. 31.

станской республики³⁹. В основу этого постановления был положен проект ТуркЦИКа, представленный во ВЦИК РСФСР в ноябре 1923 г. Были внесены изменения только в правила Кодекса о регистрации актов гражданского состояния — статьи 19, 20, 23, 24, 32—35, 100. В изъятие ст. 183 было допущено усыновление на основании обычая, т. е. на основании шариата, адата, родовых и племенных обычаев населения ТАСССР.

Наиболее сложной проблемой в области семейного права являлась проблема правового дуализма, т. е. одновременное действие норм советского и мусульманского брачного права. Впервые этот вопрос возник 16 ноября 1920 г. в связи с запросом Центрального отдела по работе среди женщин при ЦК КПТ, адресованным НКЮ Туркестанской республики, о том, «какие положения существуют о браке и разводе мусульманок?» НКЮ ответил, что специальных указаний на этот счет не имеется. НКЮ писал: «Общее брачное право содержится в Кодексе об актах гражданского состояния РСФСР, для мусульманок же существуют нормы шариата и адата, поскольку они в существенном не противоречат упомянутому Кодексу». Признавалось, что, хотя деятельность шариатских судов была ограничена в их компетенции, их существование «создавало возможность частичного сохранения элементов шариатного права среди мусульманского населения»⁴⁰.

1 октября 1921 г., на основании директивы ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 г. «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане», постановлением № 56, ТуркЦИК предложил организовать суды казиев и биев в Ферганской области, к компетенции которых были отнесены дела, вытекающие из брачных и семейных правоотношений, заключение и расторжение браков, совершение актов, связанных с брачным и семейным правом, и дела «о доброй нравственности». Была выявлена тенденция в некоторых районах Туркестанской республики, направленная на обход закона, о подсудности советским судам и о передаче дел в суды казиев⁴¹. 26 мая 1922 г. Пленум ТуркЦИКа оповестил население ТАСССР о том, что советская власть не ставит своей задачей борьбу с исламом и шариатом, рассматривая шариат как обычное право. Введение судов казиев не

означало отказ от применения принципов советского семейного права.

25 июля 1922 г. было издано постановление ТуркЦИК № 88 «О мусульманских народных судах» Туркестанской республики. Изданию этого постановления предшествовал съезд мусульманских представителей Ферганской области, на котором выступавшие возражали против ограничения в применении норм шариата в судах казиев. Его участники говорили, что ограниченное применение норм шариата в судах казиев в дореволюционном Туркестане на основании Положений об управлении краем их не удовлетворяло. Было внесено предложение, чтобы все споры мусульманского населения разбирались исключительно по шариату⁴². К компетенции судов казиев были отнесены брачные, семейные, опекунские дела, дела о разводе, наследстве, «поскольку шариат не противоречит конституции Туркестанской республики», а также споры о земле (купле, продаже, аренде).

23 декабря 1922 г. ЦИК и СНК издали новое постановление о судах казиев и биев за № 167, которое было издано в отмену всех ранее имевшихся постановлений о судах казиев⁴³. Из ведения судов казиев были изъяты дела о наследстве, вытекающие из права землепользования, благодаря чему поступление дел в суды казиев значительно уменьшилось. Были зарегистрированы многочисленные случаи передачи дел не в суды казиев, а в народный суд⁴⁴. Таким образом, за 14 месяцев было издано три постановления о судах казиев, которые последовательно уменьшали их компетенцию, постепенно реорганизуя по типу советских народных судов. Неизменно в компетенцию казиев входили дела, вытекающие из брачного и семейного права.

5 ноября 1923 г. на заседании Президиума ВЦИК РСФСР слушался вопрос о шариатских судах. Было решено образовать при ВЦИК РСФСР Комиссию в составе представителей НКЮ, Верховного суда, ГПУ, НК по национальным делам для выработки проекта Положения о дальнейшем существовании и деятельности судов казиев⁴⁵. Нужно подчеркнуть, что одновременно с изданием декретов о судах казиев и биев издавались и декреты о вакуфах (20 июня, 28 декабря 1922 г. и 22 октября 1923 г.) К концу 1924 г. обнаружилась тенденция

³⁹ Сборник декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1924 г., сентябрь-октябрь-ноябрь. Изд-е Комиссии НКЮ ТССР, Ташкент, 1924, стр. 49—50.

⁴⁰ Н. Н. Фиолетов. Цит. соч., стр. 3.

⁴¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 747, л. 187—192; ф. Р-38, оп. 1, д. 275, л. 2—10.

⁴² ЦГА УзССР, ф. Р-25, д. 946, л. 2—11; д. 747, л. 189; ф. Р-38, оп. 1, д. 224, л. 95—284.

⁴³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 404, л. 335—338.

⁴⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-38, оп. 1, д. 224, л. 284—388; ф. Р-17, оп. 1, д. 645.

⁴⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-17, д. 635, л. 54, 178—179.

«самоликвидации» судов казиев и биев в связи с уменьшением поступления дел в эти суды.

На основании Постановления II сессии ВЦИК РСФСР 11 созыва 16 ноября 1924 г. было принято решение о дополнении УК РСФСР для автономных республик и областей (Туркестанской, Киргизской, Башкирской, Ойротской, Калмыцкой, Карачаево-Черкесской, Адыгейской и Кабардино-Балкарской) специальной главой, предусматривающей ответственность за бытовые преступления — кун, баранту, калым, за принуждение женщин к замужеству вопреки ее воле, за двоеженство и многоженство. Глава УК о бытовых преступлениях положила конец формальному признанию в республике правового дуализма в области семейного права. Утратил свое значение и декрет № 67 от 14 июня 1921 г. «О запрещении калыма».

С начала 1924 г. партийные органы, правительство ТАССР обсуждали вопрос о применении советского семейного права и о необходимости борьбы с калымом, насильственной выдачей замуж, многоженством, затворничеством. Была организована широкая пропаганда Советской Конституции и законодательства о браке, семье и опеке.

8 марта 1924 г. Декрет ТуркЦИКа № 68 был опубликован вторично без всяких изменений, чем подчеркивалось политическое значение Декрета в борьбе за раскрепощение женщин. Второй расширенный Пленум ТуркЦИКа предлагал обратить внимание судебных органов на необходимость неуклонного проведения в жизнь декрета № 67, что фактически означало распространение декрета и на узбекских женщин.

В Хорезмской Народной Советской республике 3 июля 1921 г. был издан приказ № 1 «О браке». Совет Народных Назиров извещал население, что для юношей минимальный брачный возраст установлен в 17 лет, а для девушек в 16. Одновременно был запрещен брак с девушками, не достигшими 16 лет, а на виновных налагалось наказание в виде тюремного заключения на срок до пяти лет⁴⁶. Приказ № 1 подробно перечислял взаимные права и обязанности мужа и жены. Этим и ограничивается законодательство о браке и семье в Хорезмской НСР. При введении на территории республики ГПК РСФСР из кодекса была исключена глава о расторжении брака, а из ГК — глава о наследственном праве, как «не соответствующая местным условиям»⁴⁷. Важно отметить, что в Хорезмской НСР конституция провозгласила принцип равно-

правия женщин только в октябре 1923 г.⁴⁸ В республике действовали только суды казиев.

В БНСР в ноябре 1921 г. Совет Народных Назиров составил доклад «О женском вопросе»⁴⁹, где говорилось, что революция помогла вконец изменить взгляд на женщину Востока. Но мероприятия, направленные на правовое и фактическое раскрепощение женщин, необходимо проводить «в высшей степени осторожно, так как кардинальное разрешение вопроса о предоставлении женщине всех прав, о снятии с нее паранджи при темноте народных масс, при наличии элементов, которые всегда готовы из-за личных интересов поднять эти массы против советской власти, приходится временно отложить». До 1924 г. в законодательстве БНСР не было никаких законов по семейному праву, направленных на правовое и фактическое раскрепощение женщин. 30 января 1924 г. был заслушан доклад муллы Акмаль Ходжаева об изменении расходов, связанных со свадьбами, согласно обычаям⁵⁰.

17 апреля 1924 г. был издан декрет Всебухарского ЦИК № 39 о бытовых преступлениях. В целях борьбы с распространенным среди населения БНСР обычаем похищения женщин, для вступления с ними в брак, было установлено наказание — строгая изоляция виновников на срок не ниже пяти лет. Похищение женщин, не достигших половой зрелости, каралось изоляцией на срок не ниже двух лет. Регистрация брака или совершение обряда венчания против воли женщины признавалось преступлением и каралось лишением свободы на срок не ниже года⁵¹.

Особое место в законодательстве БНСР занимает постановление об опеке и попечительстве, на основании которого была организована «Сиротская касса», которая реализовывала «портативные ценные вещи» и отдавала деньги в займы под проценты. Существование такого коммерческого органа в составе Назирата Юстиции не соответствовало своему назначению и целям органов опеки и попечительства над личностью и имуществом подопечных. В связи с этим «Сиротская касса» была упразднена. Органами опеки в БНСР были признаны народные суды, суды казиев и опекунский отдел Назирата Юстиции. Положение об опеке и попечительстве было почти тождественным с аналогичными нормами РСФСР⁵².

⁴⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-71, оп. 1, д. 45, л. 25; оп. 1, д. 111, л. 62.

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 42, л. 99.

⁵⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-47, оп. 1, д. 452, л. 54.

⁵¹ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 275, л. 375.

⁵² ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 219, л. 63; д. 232, л. 14; д. 226, л. 17.

⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-71, оп. 1, д. 2, л. 26.

⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-71, оп. 1, д. 112, л. 19; оп. 1, д. 139, л. 21; ф. Р-837, оп. 5, д. 59, л. 50—112.

Таким образом, в исторически кратчайший срок, начиная с Октябрьской социалистической революции до национально-государственного размежевания, Коммунистическая партия и советское правительство добились ощутимых успехов в деле борьбы за восприятие и применение советского права, за победу высшей формы семьи.

Основными достижениями являются:

рост политической активности широких женских масс Туркестанской республики, что нашло свое выражение в активном участии женщин в выборах в Советы, в выборах казиев, в кооперативном строительстве, в союзе «Кошчи»;

начался распад патриархально-родовых отношений и связанный с этим распад семьи оседлого и кочевого населения, основанный на нормах шариата и адата;

декреты СНК и ВЦИК РСФСР от 18 декабря 1917 г. и 19 декабря этого же года о браке и разводе положили начало унификации семейного права для всех национальностей Советского государства.

Введение в действие Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве знаменовало собой завершение унификации советского семейного права, охватившего все институты семейного и опекунского права;

в силу исторических условий сложилась система правового дуализма, т. е. одновременное существование двух взаимоисключающих источников права: советского семейного права и норм шариата и адата. Начиная с 16 ноября 1920 г., т. е. со дня запроса Отдела по работе среди женщин при ЦК КПТ по вопросу о применении советского законодательства о браке и семье, адресованному НКЮ, обсуждалась проблема правового дуализма, которая сохраняла свое значение и приобрела особую остроту в связи с восстановлением судов казиев и биев;

издан декрет № 67 о запрещении калыма, который распространялся на казахских и туркменских женщин, чем было положено начало уголовно-правовой охране женщин в области семейного права. Поскольку правила о недействительности брака не были восприняты судебной практикой, роль и значение декрета от 14 июня 1921 г. приобретает большое значение в истории семейного права;

восприятие и применение норм советского семейного права определялись уровнем борьбы за политическое, идеологическое, правовое и фактическое раскрепощение женщин.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО УЗБЕКИСТАНА

«Великая Октябрьская социалистическая революция в числе других угнетенных народов бывшей царской России освободила и узбекский народ, открыв перед ним невиданные просторы политического, экономического и культурного подъема в великой многонациональной семье народов СССР»¹. Вопрос об образовании Узбекского государства мог быть решен только в результате национально-государственного размежевания Средней Азии, которое явилось одним из факторов, ускоривших социалистические преобразования, ликвидацию экономической и культурной отсталости.

10 февраля 1924 г. Пленум РКП(б) утвердил «Основные положения» по вопросу об образовании Узбекистана, где констатировалось, что ислам наложил отпечаток на весь быт узбеков и особенно на положение женщин-узбечек². В. И. Ленин указывал, что «пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насильем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций»³.

18 ноября 1924 г. ЦИК Советов Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик приняли постановление об образовании Революционного Комитета УзССР, который 2 декабря 1924 г. принял обращение ко всем трудящимся, где писал, что «нашим культурным и национальным делом является проведение в жизнь одного из величайших достижений революции — фактического раскрепощения женщин»⁴.

¹ Правда Востока, 20 октября 1957 г.

² ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4111, л. 17; ф. Р-48, оп. 1, д. 272, л. 3.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 167.

⁴ Сборник декретов, постановлений и распоряжений правительства ТССР за 1924 г., стр. 9—11; СЗ СССР, 1924, № 19, ст. 17; СУ УзССР, № 1, 1925, ст. 1.

«Вся работа по раскрепощению женщин в Средней Азии неразрывно связана с именем Ленина»⁵.

Первый съезд КП(б) Узбекистана подчеркивал, что «уродливые бытовые формы, ранняя выдача замуж не только влияют на сознание женщин-деханок, но калечат их физически и тем самым ведут к вырождению узбекского народа. Это выдвигает задачу поставить борьбу с существующими бытовыми нормами во всей ее широте»⁶. Борьба за раскрепощение женщин на первых порах осложнялась тем, что большинство местностей Узбекистана не имели выборных низовых советских органов, так как здесь советское строительство началось только с конца 1924 г.⁷ 13 февраля 1925 г. Президиум ЦИК СССР принял «Обращение к народностям, населяющим национальные республики и области советского Востока» и постановление «О правах трудящихся женщин советского Востока и необходимости борьбы со всеми видами закрепления в области экономической и семейно-бытовой»⁸. Президиум ЦИК Советов СССР обращал внимание, что узбечки, тюрчанки, киргизки, калмычки, монголки, якутки, бурятки и женщины других национальностей советского Востока не освободились от векового угнетения. Советское государство, стоящее на страже охраны прав женщин, установило суровые кары для лиц, понуждающих женщину выходить замуж до достижения брачного возраста, за уплату калыма, похищение женщин для вступления с ними в брак, за многоженство. Это постановление воплотило в жизнь решения XIII съезда партии о фактическом раскрепощении женщин и являлось первым общесоюзным законодательным актом, определявшим пути и задачи борьбы с мусульманским брачным правом, ставило вопрос о борьбе с правовым дуализмом в области брачно-семейного права, отметив неразрывную связь между восприятием норм советского семейного права и раскрепощением женщин в быту и семье. Национально-бытовые особенности узбекского народа определяли своеобразие путей и методов борьбы за победу советского семейного права в Узбекистане.

Борьба за раскрепощение женщин означала борьбу с шариатом и адатом, за право участия женщин в общественном производстве, отнятую у них исламом, установление в этом отношении полных прав с мужчинами, за восприятие норм советского семейного права. Для этого нужно было положить конец затворничеству женщины.

⁵ Журнал «Работница», № 10, 1957, стр. 14.

⁶ Резолюции и решения съездов КПУз, Ташкент, 1957, стр. 45—49.

⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 1, д. 302, л. 207—218.

⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-86, д. 21—29, л. 1115; Известия, 15 февраля 1925.

Первым шагом в борьбе за раскрепощение женщин В. И. Ленин назвал уничтожение «особенно гнусного, подлого, лицемерного неравенства женщин в брачном и семейном праве». «Вторым и главным шагом» В. И. Ленин считал отмену права частной собственности на землю, фабрики, заводы⁹. Если второй, «главный шаг», в борьбе за раскрепощение женщин—национализация земли—на территории РСФСР был уже осуществлен, то в Узбекской ССР требовал еще своего решения. II съезд КП Узбекистана принял решение «О земельной реформе», в котором указывал, что «неизжитые до настоящего времени остатки феодальных отношений в кишлаке, выражающиеся в наличии частной собственности на землю, ... выдвигают перед партией и советской властью очередную задачу—практически приступить к осуществлению национализации земли и воды в пределах Узбекской республики»¹⁰. 2 декабря 1925 г. был издан декрет ЦИК УзССР о национализации земли и воды в Ташкентской, Ферганской и Самаркандской областях¹¹. Право пользования землями и водами было предоставлено трудовым деханам без различия пола.

Между первым этапом земельно-водной реформы, который проходил с 2 декабря 1925 г. по 13 ноября 1927 г., и вторым, проходившим с 1 ноября по 2 декабря 1928 г.¹², в Узбекистане произошла женская революция—«худжум». Земельно-водная реформа ускорила распад феодально-патриархальных форм хозяйства и усилила процесс распада восточной семьи, основанной на нормах шариата и адата. При проведении второго этапа земельно-водной реформы в отсталых в культурном отношении областях (территории бывших БНСР и ХорНСР) осуществлялись одновременно земельная реформа и колхозное строительство. Если при проведении первого этапа земельно-водной реформы проходило формирование советской крестьянской семьи, то во втором этапе—формирование колхозной семьи. Земельно-водная реформа нанесла удар по затворничеству женщин, которое имело особенно крепкие опоры в кочевых и феодально-патриархальных формах хозяйства.

Земельно-водная реформа уравнивала женщину в правах с мужчиной, ибо «там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин»¹³. Земельно-водная реформа оказала влияние «на рост состава

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 42, стр. 369.

¹⁰ Резолюции, решения съездов КПУз, Ташкент, 1957, стр. 55—56.

¹¹ СУ УзССР, 1925, № 50, ст. 481.

¹² СУ УзССР, 1927, № 37, ст. 240.

¹³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 39, стр. 199.

семьи у групп землеустроенных»¹⁴, явилась наиболее ярким предвестником правового и фактического раскрепощения женщин.

На формирование советской семьи революционное значение оказало и кооперативное строительство, особенно колхозное. К. Маркс указывает на то, что «кооперативное производство» подрывает экономический строй, основанный на частной собственности»¹⁵. «При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»¹⁶. XII Всероссийская конференция РКП(б) констатировала, что кооперирование крестьянок ускоряет процесс ликвидации патриархально-феодальных отношений в среде угнетенных наций¹⁷.

Большое значение в Туркестанской республике имела сельскохозяйственная кооперация. Ко времени образования республики низовая сельскохозяйственная кооперация охватывала до 92% операций хлопковых организаций. Широкое развитие получила потребительская кооперация, в составе которых были и «женские лавки». В союзе «Кошчи» были организованы «женские секции». Со времени проведения первого этапа земельно-водной реформы активизировалось колхозное строительство, когда впервые начали организовываться женские колхозы¹⁸. Основное же колхозное строительство шло за счет организации мужских колхозов, но несмотря на это, в 1928 г. 14% всех договоров на контрактацию коконов были заключены с женщинами.

Земельные наделы, выделяемые женщинам, оформлялись на имя их малолетних сыновей, которые являлись как бы опекунами своих матерей, колхозницам за труд начисляли меньше, чем колхозникам. В 1929 г. почти все женские колхозы распались, но вместе с тем начинается массовое вовлечение женщин в колхозы. Проводилось в жизнь равенство в оплате труда. Колхозный строй явился основой для преобразования единоличного крестьянского двора в высшую форму семьи — колхозную семью, семейно-трудовое объединение.

Таким образом, земельно-водная реформа и колхозное строительство нанесли удар патриархально-феодальным отношениям и внесли революционные изменения в правовой быт узбекской семьи, изменив ее структуру — женщина вовлечена в общественное производство. «Только тогда, когда мы от мел-

ких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин»¹⁹.

«Декреты Октября смели все законы капитализма, ставившие женщину в униженное, подчиненное положение в обществе и семье»²⁰. Первый съезд КП(б) Узбекистана указывал, что старые бытовые устои объясняются темнотой, невежеством и забитостью дехканских масс, что средневековое бытовое положение женщин сохранилось в Узбекистане, что уродливые формы быта находят свое выражение в положении женщин в обществе и в семье²¹. Переход к новой форме семьи таил в себе реальную угрозу: мусульманка, отрекающаяся от заветов веры, подлежала по законам шариата смерти. Женщина, отказавшаяся от традиционных форм семейного и общественного быта, признавалась богоотступницей. Убийство такой женщины являлось обязанностью правоверного мусульманина — отца, брата, мужа, дяди или другого родственника по мужской линии.

Борьба за раскрепощение женщин на первых же порах затрагивала основные институты брачного права — калым, минимальный брачный возраст невест, право жен на расторжение брака по одностороннему волеизъявлению. Женотделы взяли на себя функции советских учреждений — народных судов, ЗАГСов, а местами превратились в бракоразводные учреждения²², так как судебный аппарат был слаб, а порою работники суда оказывали даже прямое сопротивление раскрепощению женщин.

Формами и методами работы коммунистической партии среди женщин Востока были женские клубы, красные уголки, красные кибитки, артели, делегатские собрания, семейные вечера.

«Практическая необходимость, — говорил В. И. Ленин, — натолкнет нас на новые пути в отношении раскрепощения женских масс»²³. В целях освобождения Женотделов от функций советских учреждений 3 января 1926 г. ЦИК УзССР утвердил положение «О постоянной комиссии по улучшению быта трудящихся женщин Узбекистана», на которую и легла работа по окончательному раскрепощению женщин²⁴.

¹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 37, стр. 186.

²⁰ Правда, 8 марта 1958 г.

²¹ Резолюции и решения съездов КПУз, стр. 14—46.

²² Бюллетень Отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК РКП(б), 1925, № 2, стр. 3—10.

²³ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1955, стр. 59.

²⁴ СУ УзССР, 1926, № 1, ст. 1; ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 2756, л. 2.

¹⁴ Резолюции и решения съездов КПУз, 1957, Ташкент, стр. 163.

¹⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 199.

¹⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 45, стр. 376.

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, ч. I, 1953.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5135, л. 6; д. 4434, л. 228.

Работа комиссий по улучшению быта трудящихся женщин оправдала себя: в области восприятия советского законодательства о браке и семье, трудоустройстве женщин, организации женских промысловых артелей²⁵. Постановлением ЦИК УзССР от 17 января 1927 г. Постоянная комиссия была переименована в Центральную комиссию по улучшению труда и быта трудящихся женщин Узбекистана²⁶. Были организованы низовые комиссии, на которые ложилась работа по раскрепощению женщин на местах.

Признаки роста новых советских семейных отношений выражались в устранении зависимости браков от права землепользования, в результате проведенной земельно-водной реформы, вовлечении женщин в дехканское хозяйство, проникновении новых советских правовых форм в семейный быт; в борьбе с калымом, с насильственной выдачей замуж²⁷.

Новый этап в борьбе за раскрепощение женщин начинается с весны 1927 г. Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) Уз, ЦК КП(б) Туркмении, Киргизский обком партии обратились ко всем членам и кандидатам партии усилить борьбу за раскрепощение женщин. В обращении указывалось на необходимость проведения в жизнь равноправия женщин, уничтожения следов неравенства в области брачного и семейного права²⁸. Празднование Дня 8 марта 1927 г. характеризовалось массовым снятием женщинами паранджи, которые не получили должной поддержки в массовом трудоустройстве, закреплявшем результаты «худжума».

3 июля 1927 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о работе по раскрепощению женщин Средней Азии. Была одобрена начатая Средазбюро ЦК ВКП(б) более решительная борьба с бытовыми пережитками по отношению к женщине. Средазбюро ЦК предлагалось принять серьезные меры к изучению явлений, связанных с происходящим распадом старых семейных форм²⁹. 11 июля 1927 г. была принята первая Конституция Узбекской ССР, закрепившая равноправие женщин с мужчинами.

Исходя из того, что секции Советов являются испытанными организационными формами массовой работы среди населения, в январе 1928 г. ЦИК СССР предложил организовать

²⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 1, д. 9, л. 147.

²⁶ СУ УзССР, 1927, № 3, ст. 12; ф. Р-86, оп. 1, д. 3806, л. 10—72.

²⁷ Бюллетень Отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК РКП(б), № 2, стр. 6—7.

²⁸ Правда Востока, 6 февраля 1927 г.

²⁹ Бюллетень отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б), № 9, 1927, стр. 16—21.

Бытовые секции местных Советов, обеспечивающие привлечение широких женских масс к борьбе с многоженством, калымом, хищением женщин для вступления с ними в брак, борьбу с браком малолетних, за снятие паранджи³⁰. На заседании IV сессии ЦИК УзССР Председатель Президиума ЦИК Ю. Ахунбабаев заявил, что правительство не издает закона о запрещении ношения паранджи, так как издание такого декрета может нанести ущерб борьбе за раскрепощение женщин³¹.

Вторая фаза в борьбе за раскрепощение женщин начинается с весны 1929 г., который «определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»³². Борьба за раскрепощение женщин, являясь одним из важных участков классовой борьбы, превратилась в широкое массовое движение³³.

25 мая 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе парторганизации Узбекистана», которым одобрил мероприятия по ликвидации затворничества женщин и предложил избегать администрирования, не ослабляя борьбы³⁴.

Правовое и фактическое раскрепощение женщин являлось составной частью борьбы за социалистическое строительство. Указывая на практическую необходимость раскрепощения женских масс, В. И. Ленин говорил, что «в этом отношении я жду самого лучшего от электрификации нашей промышленности и сельского хозяйства»³⁵.

23 декабря 1929 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление о реорганизации Комиссии при Президиуме ЦИК СССР по улучшению труда и быта женщин культурно-отсталых народностей в Центральный Комитет по улучшению труда и быта работниц и крестьянок при ЦИК СССР, подчеркнув важность образования нового органа борьбы за раскрепощение женщин³⁶. 12 ноября 1930 г. ЦИК УзССР утвердил положение о Комитете по улучшению труда и быта работниц. Особенное значение приобрела антирелигиозная пропаганда среди женщин³⁷.

³⁰ С. Любимова. Бытовая секция Советов, М., ГИЗ, 1928; ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4433, л. 104; д. 5381, л. 7; д. 4034, л. 76; д. 4434, л. 76.

³¹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4851, л. 7; ф. Р-837, оп. 3, д. 236, л. 60.

³² КПСС в резолюциях и решениях съездов, ч. III, стр. 22.

³³ Правда Востока, 8 марта 1928 г.

³⁴ Труды Узбекского филиала ИМЭЛ, 1951, стр. 186—193.

³⁵ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1955, стр. 59.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6038, л. 201; д. 6037, л. 241.

³⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6575, л. 1—7.

Итоги борьбы за раскрепощение женщин в годы советской власти получили свое закрепление в Конституции УзССР, принятой Чрезвычайным VI съездом Советов УзССР 14 февраля 1937 г.³⁸ Конституция закрепила незыблемые права женщин в политической жизни, в участии в общественном труде и в области семейного права. В результате узбекская семья в кратчайший исторический срок достигла уровня развития и формирования советской семьи центральных районов СССР. В этом одна из примечательных особенностей победы советского семейного права в Узбекистане.

Борьба за раскрепощение женщин вызвала яростное сопротивление со стороны феодально-байских элементов. Реакционное духовенство, казии, националистическая интеллигенция и буржуазия оказывали активное сопротивление мероприятиям Коммунистической партии и советского государства, направленные на раскрепощение женщин. Борьба сопровождалась террористическими актами. Количество жертв феодально-байского террора из года в год возрастало. Хотя официальные цифры о жертвах феодально-байского террора ограничиваются 400 случаями, изучение архивных материалов свидетельствует о значительно большем количестве террористических актов, которые квалифицировались по другим статьям УК с меньшей мерой наказания. Точного учета жертв феодально-байского террора установить невозможно³⁹. Помимо убийств было распространено и изнасилование женщин, снявших паранджу. «На Востоке изнасилование обратилось в гнуснейший прием социальной борьбы»⁴⁰.

«На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии»⁴¹. В 1929 г. феодально-байский террор, направленный против раскрепощившихся женщин, сливается с проявлением антисоветской активности кулацких элементов. Пленум Верховного суда УзССР разъяснил всем судам республики, что на основании циркуляра НКЮ и Верховного суда УзССР от 13 августа 1928 г. всякое убийство, или иное тяжкое посягательство на честь и достоинство женщины, снявшей паранджу, должно квалифи-

цироваться по статье 10—64 УК⁴². В результате усиления карательной политики феодально-байский и кулацкий террор против раскрепощившихся женщин начал постепенно затихать.

Таким образом, борьба за раскрепощение женщин в Узбекистане распадается на две фазы: первая начинается с 7 ноября 1917 г. и заканчивается весной 1929 г. Первая фаза распадается на два этапа: первый — с 7 ноября 1917 г. до весны 1927 г., который характеризуется агитационно-пропагандистской работой среди населения республики, второй — с весны 1927 г. до весны 1929 г., основным содержанием которого является «худжум» — женская революция в Узбекистане. Вторая фаза начинается с 1929 г. и заканчивается в 1937 г. принятием Конституции УзССР.

«Худжум» оказал воздействие на углубление, расширение процесса формирования советской семьи. Победа высшей формы семьи обеспечила формирование советского человека, советской женщины — борца, труженицы, матери. «Советская женщина предстала перед всем человечеством как сознательный и деятельный творец нового общества»⁴³.

В процессе борьбы за восприятие и применение советского семейного права, начиная с 1917 г. до весны 1927 г., особенно остро встал вопрос об издании единых норм семейного права для всей республики, что по существу означало прекращение действия правового дуализма. «Форма брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции», «Будущее нашей молодежи, — подчеркнул В. И. Ленин, — меня глубоко волнует... Она — часть революции»⁴⁴. Осознание широкими женскими массами своих политических, гражданских и семейных прав являлось могучим средством в борьбе за торжество новой формы брака⁴⁵.

Семейное право к моменту образования УзССР имело свои особенности. На территориях бывшей Туркестанской республики действовал Кодекс об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР, на территории Бухарской республики безраздельно применялись нормы шариата. Исключением была «Сиротская касса» опекунского отдела Назирата Юстиции, по существу коммерческое пред-

³⁸ Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета, т. 1, Изд-е управделами СМ УзССР, 1947.

³⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 1, д. 184, л. 405; ф. Р-86, оп. 1, д. 4009, л. 1—10.

⁴⁰ Журн. «Революция и культура», № 12, 1929, стр. 29—40.

⁴¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 40, стр. 244.

⁴² ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5883, л. 19.

⁴³ Правда, 8 марта 1957 г.

⁴⁴ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, Госполитиздат, 1955, стр. 48.

⁴⁵ З. В. Каспарова. Женщина Востока, Изд-во «Прибой», 1925, стр. 24.

приятие, чуждое советскому праву. Насильственная выдача замуж, хищение девушек и женщин для вступления с ними в брак преследовались в уголовном порядке. В БНСР в новых городах местами были организованы советские народные суды. В ХорНСР был единственный приказ, нормировавший минимальный брачный возраст невесты и жениха, являвшийся скорее декларацией, чем действовавшим и применяемым законом. Советских народных судов и ЗАГСов не было, к тому же существовала самостоятельная судебная система казийских судов, применявших только нормы шариата.

На основании постановления Ревкома УзССР № 7 от 27 ноября 1924 г. законодательства ТАССР, БНСР и ХорНСР были признаны действующими на соответствующих территориях⁴⁶. 21 декабря 1924 г. при НКЮ была создана Комиссия по согласованию законодательств бывших Туркестанской, Хорезмской и Бухарской республик. В последующие годы остро встал вопрос о коллизии норм советского права, действовавших на территории Туркестанской республики с нормами семейного права, действовавшими на территориях Бухарской и Хорезмской республик. В силу этого НКЮ УзССР (как и НКЮ ТАССР в 1921—1923 гг.) вынужден был издать циркуляры о применении норм советского семейного права. Таким образом, начиная со дня создания Ревкома УзССР, нормы советского семейного права начали вводиться в действие и на территориях БНСР и ХорНСР, хотя формально там действовали свои источники брачного права⁴⁷. Наибольшее значение имели циркуляры о расторжении браков по волеизъявлению жены. Бракоразводный процесс приобрел характер острой политической проблемы, выходящей за рамки брачного права. Повсеместно на собраниях женского актива, в махаллях (кварталах), на сельских сходах отмечалось отсутствие однообразного законодательства, регулирующего брачно-семейные отношения, а потому раздавались настойчивые требования об издании нового законодательства о браке и семье⁴⁸.

«Семья не стала ячейкой содействия Советской власти, — писала Н. К. Крупская, — и на восьмом году существования власти Советов. Семья еще не оформилась, не имеет своего собственного, революционного, ярко выраженного лица... Революция оказала свое могучее влияние и на семью»⁴⁹.

⁴⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-48, оп. 1, д. 273, л. 1; ф. Р-86, оп. 1, д. 21, 29, л. 34—36.

⁴⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 1, д. 24, л. 41; ф. Р-904, оп. 1, д. 26.

⁴⁸ Бюллетень отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК РКП(б), 1925, стр. 7—8; № 5, 1926, стр. 6—10; № 8, 1926, стр. 30.

⁴⁹ Правда Востока, 8 марта 1925 г.

Учение К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о семье выражается в следующих положениях: брак должен быть основан на взаимной любви и свободном волеизъявлении лиц; взаимная любовь — единственный нравственный критерий при вступлении в брак; юридическое и фактическое равенство супругов как в личных, родительских правах, так и в имущественных правоотношениях; упразднение господства мужа в семье; ответственность супругов за «третью жизнь» перед обществом; расторжение брака по свободному волеизъявлению супругов; правовое и фактическое раскрепощение женщин⁵⁰.

Взаимное уважение супругов — один из основных принципов морального кодекса строителя коммунизма.

Учитывая настоятельную необходимость выработки нового законодательства о браке и семье, 8 декабря 1926 г. Коллегия НКЮ приступила к рассмотрению проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке⁵¹. 14 сентября 1927 г. проект Кодекса, подготовленный НКЮ, начал обсуждаться на заседании юридической секции Подготовительной комиссии при СНК УзССР⁵², которая 20 сентября 1927 г. утвердила и приняла проект Кодекса законов о браке, семье и опеке и о записи актов гражданского состояния. В основу этого проекта был положен проект НКЮ⁵³. Таким образом, один проект издан в двух вариантах. Одновременно был представлен проект Постановления II сессии ЦИК Советов УзССР второго созыва «Об утверждении и введении в действие КЗоБСО и ЗАГС». В преамбуле проекта Постановления отмечалось, что КЗоБСО и ЗАГС утверждаются «в целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового быта, обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественных отношениях и в отношении воспитания детей». Содержание преамбулы раскрывает основные принципы советского семейного права. К сожалению, эта преамбула не вошла в окончательный текст Постановления, принятого II сессией ЦИК Советов УзССР. 30 сентября 1927 г. ЦИК Советов УзССР одобрил в основном проект КЗоБСО и предложил разослать его на места для широкого обсуждения⁵⁴.

⁵⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 127—128, 161—164; т. 3, стр. 168—169; т. 21, стр. 85; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1951, стр. 72—85. В. И. Ленин. т. 1, стр. 403; т. 3, стр. 576; т. 25, стр. 286; т. 49, стр. 51—52; т. 26, стр. 74—75.

⁵¹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 2819, л. 66; ф. Р-837, оп. 3, д. 468, л. 28—46.

⁵² ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 3, д. 45, л. 840—844.

⁵³ Там же, д. 44, л. 364—369.

⁵⁴ СУ УзССР. 1927, № 36, ст. 227.

В Узбекской ССР к моменту обсуждения проекта Кодекса различались зарегистрированный и фактический брак европейского населения, а также религиозный брак — брачный договор, заключенный по нормам шариата, но при условии предварительной регистрации брака в ЗАГСе; брачный договор без предварительной регистрации в органах ЗАГС на территориях, ранее входивших в состав БНСР и ХорНСР; интернациональные браки и браки между узбеками, заключенные только по нормам советского семейного права.

Необходимо отметить, что из проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке были исключены нормы о недействительности брака, что следует признать большим недостатком семейного права Узбекистана.

Одновременно с выработкой проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке началась дискуссия, организованная ЦК КП Узбекистана по вопросам семейного права. В 1927 г. были разработаны «Краткие тезисы к дискуссии о семейно-брачном праве в Узбекистане», в которых указывалось и признавалось, что существующие брачно-семейные отношения узбекского народа сохранились почти без изменения⁵⁵.

Была проведена большая работа по обсуждению проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке, в котором активное участие принимали женщины. Впервые в истории ислама женщины обсуждали проект закона, затрагивающего самые важные положения семейного права восточной семьи. Дискуссия по основным проблемам семейного права явилась большой школой политического воспитания женских масс в Узбекистане, большой идеологической победой коммунистической партии и советского государства. Кодекс законов о браке, семье и опеке «сосредотачивает внимание на защите более слабых субъектов права семьи и брака», т. е. на защите прав женщин и детей.

Наибольшую остроту вызвали следующие вопросы семейного права Узбекистана:

наименование брака «гражданским», чем подчеркивалась новая форма брака и признание регистрации брака в органах ЗАГС единственной формой брака, допущенной государством. Ставился вопрос о том, что понимать под фактическим браком: действительный фактический брак, применявшийся узбекским и европейским населением, или церковный брак — брачный договор, заключенный по нормам шариата. На этом понимании фактического брака настаивали духовенство и казии, что сохраняло правовой дуализм. На местах вносились

⁵⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 3, д. 36, л. 42—44; оп. 5, д. 30, л. 129; ф. Р-86, оп. 1, д. 3813; д. 4437, л. 45—57; ф. Р-904, оп. 1, д. 129, ч. 2, л. 1—3; ф. Р-86, оп. 1, д. 4127, л. 458.

предложения об издании декрета, запрещающего многоженство. Подчеркивалось, что признание церковного брака под видом фактического брака сохранит многоженство, бигамию (двоеженство). Ко времени обсуждения проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке в народных судах Узбекистана имелось значительное количество дел об уголовной ответственности мулл за совершение религиозных браков без предварительной регистрации в органах ЗАГС;

вопрос о минимальном брачном возрасте невесты и о борьбе с выдачей замуж малолетних и несовершеннолетних против их воли. Дело доходило до того, что специально обсуждался вопрос о судьбе «малолетних жен», брошенных мужьями;

вопрос о калыме и его новых формах («дарении»);

о личной явке невесты для регистрации брака и об обходе этого требования Кодекса — регистрация брака по чужим документам, через подставных лиц;

о праве на расторжение брака по одностороннему волеизъявлению жены.

Обсуждение этих вопросов вызвало много возражений. Так, в Сырдарьинском округе было внесено предложение о том, чтобы один раз разведенная с мужем по суду женщина могла получить разрешение на новый брак, если она не старше или моложе на пять лет нового мужа. Бухарский окружной Исполнительный Комитет требовал установления предельного возраста для вступления в брак. В Ферганском округе поступило предложение повести борьбу против заключения браков несовершеннолетних девиц с «женихами», разводящимися с первой женой, а через некоторое время бросавшими вторую жену и возвращавшимися к первой. Было внесено предложение, чтобы без уважительных причин не разводиться, «не выдавать бумаг», а при разводе по суду требовать мотивов развода. Было внесено предложение не разводиться супругов «по бедности или гневу, если есть дети» ранее 15 дней со дня подачи заявления о разводе. В Хорезмском округе было внесено предложение «воспретить разводы жен бедняков по одностороннему их желанию». В Андижанском округе было внесено предложение по этому вопросу «воспретить женщине развод ранее одного месяца со дня вступления в брак»⁵⁶. Все эти предложения были отвергнуты.

До принятия нового Кодекса законов о браке, семье и опеке 14 января 1928 г. было опубликовано Постановление ЦИК Советов УзССР № 4 «Об изменении статей 88, 89, 92, 146, 166, 167 действующего в УзССР Кодекса законов об актах гражд-

⁵⁶ Н. Н. Фиолетов. Цит. соч., стр. 14.

данского состояния и об исключении из Кодекса статей 47, 48, 90, 93—99, 131, 132» в связи с новым порядком расторжения брака в административном порядке в органах ЗАГС и отменой расторжения брака в судебном порядке⁵⁷. Таким образом, одна из самых сложных проблем семейного права Узбекистана была решена положительно в интересах женщин.

В итоге обсуждения проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке и обсуждения поступавших с мест замечаний на проект был составлен второй вариант проекта Кодекса, где были изменены статьи 2, 3, 9, 12 проекта Кодекса, а также статьи 3, 11, 13, 16, 17, 21, 23, 25, 32, 48, 63, 64, 66 ч. 2, 70, 75, примечание к статье 84, статьи 85, 95, 96, 99, 113, 123 первого варианта были редакционно уточнены во втором варианте проекта.

В канун празднования 8 марта 1928 г. ЦИК Советов УзССР постановил: «Принять в основном проект Кодекса, предложить Президиуму ЦИК Советов УзССР в месячный срок опубликовать и ввести в действие на территории УзССР Кодекс законов о браке, семье и опеке, приняв во внимание при установлении окончательной редакции замечания и пожелания, внесенные трудящимися при обсуждении Кодекса»⁵⁸.

Таким образом, еще до выявления и обобщения результатов обсуждения, проект Кодекса был утвержден ко дню 8 марта 1928 г. Правительство республики этим подчеркивало революционное значение Кодекса в борьбе за советское семейное право, за раскрепощение женщин в быту и семье, в борьбе за новую советскую моногамную семью. Кодекс законов о браке, семье и опеке был утвержден 23 июня 1928 г. и вводился в действие с 1 октября этого же года⁵⁹.

При утверждении окончательной редакции Кодекса законов о браке, семье и опеке и о записи актов гражданского состояния были внесены редакционные поправки в статьи Кодекса 1, 2, 3, 7, 9, 12, 13. Была дополнена статья 26 проекта Кодекса, в силу которой, если суд при рассмотрении вопроса об отцовстве установит, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях, кроме лица, указанного в ст. 22 Кодекса, еще и с другими лицами, то суд выносит решение о признании одного из этих лиц отцом ребенка и возлагает на него обязанности, предусмотренные ст. 25 Кодекса. Таким образом, был решен спорный вопрос о «многоотцовстве», возникший при обсуждении проекта Кодекса. Проект Кодекса был дополнен ст. 50 об усыновлении детей граждан СССР

⁵⁷ СУ УзССР, 1928, № 2, ст. 8.

⁵⁸ СУ УзССР, 1928, № 8, ст. 70.

⁵⁹ СУ УзССР, 1928, № 15, ст. 136; Кодекс законов УзССР о браке, семье и опеке и о записи актов гражданского состояния.

иностранцами гражданами. Статьи 51, 65, 67, 73, 77, 78, 82, 88, 89, 91, 92, 96, 100, 101, 114 были редакционно исправлены. Ст. 113 была дополнена примечанием о том, что данные о личности, семейном положении и возрасте брачащихся могут быть доказаны свидетельскими показаниями, медицинскими свидетельствами и другими способами. Статьи 118, 121 были редакционно исправлены. Ст. 123 была дополнена примечанием о том, что в случае развода по заявлению одного из супругов, заявитель дает подписку о том, что он обязуется сохранить имущество, принадлежащее отсутствующему супругу в целости, с предупреждением об ответственности за растрату этого имущества. Подписка о принятии имущества на хранение и об ответственности за растрату этого имущества должна была посылаться другому супругу вместе с копией записи о прекращении брака. Это дополнение ст. 123 проекта Кодекса предложено трудящимися Ферганы, внесенное при обсуждении проекта Кодекса.

Статьи 4, 5, 6, 8, 11, 14—25, 27—49, 52—64, 66, 68—72, 74—76, 79, 80, 81, 83—87, 90, 93—95, 97—99, 102—112, 119, 120, 122—126 были приняты без изменений.

В Кодекс законов о браке, семье и опеке УзССР не вошла ст. 56 аналогичного Кодекса законов РСФСР, нормировавшая порядок взыскания алиментов с членов крестьянского двора. Объяснительная записка и архивные материалы, связанные с выработкой проекта Кодекса, не дают ответа на вопрос, почему это важнейшее правило не отражено в Кодексе законов о браке, семье и опеке УзССР, тем более, что процесс коллективизации сельского хозяйства настоятельно требовал разрешения этого важнейшего вопроса колхозной семьи. Исключение этого правила из Кодекса законов о браке, семье и опеке УзССР считаем неоправданным.

Кодекс вносил радикальные изменения в институт усыновления. Мусульманское право считает, что «отцовство есть состояние, которое признается за лицом путем доказательства или юридической презумпцией, что дитя было зачато от него женщиной, бывшей в момент зачатия его законной женой... Никаким иным путем это состояние не устанавливается. Усыновление не считается одним из видов установления отцовства»⁶⁰. Таким образом, усыновленный по мусульманскому праву считается чужим. Кодекс законов о браке, семье и опеке уравнивал усыновленного с родными детьми. Однако в Кодексе, нормировавшем институт усыновления, оставлен открытым вопрос об отчестве усыновителя. Только через 15 лет после

⁶⁰ Н. П. Остроумов. Цит. соч., стр. 36.

издания Кодекса законов о браке, семье и опеке был решен вопрос об отчестве и фамилии усыновленного на основании Указа Президиума Верховного Совета УзССР от 6 октября 1943 г. за № 118. Было установлено, что усыновители по их просьбе могут быть записаны в актовых книгах о рождении в качестве родителей усыновленного. Кодекс вводил неизвестный мусульманскому брачному праву институт приемчества.

Существенные изменения Кодекс внес и в институт опеки. Мусульманское право различает три вида опеки: опека для заключения брака, учреждаемая над несовершеннолетними, над совершеннолетними того или другого пола, умалишенными, а также для оказания помощи взрослой женщине в здравом рассудке при совершении брачного договора; опека над личностью несовершеннолетнего в целях его охраны и воспитания; опека над имуществом, над несовершеннолетним собственником, перешедшего к нему в результате наследственного права⁶¹. Кодекс упразднил первый вид опеки — опеку для заключения брака, чем углубил процесс правового и фактического раскрепощения женщины, освободив ее от обязательной опеки при изъявлении воли на вступление в брак. На первый план советское семейное право выдвигало охрану личности подопечного. Шариат довольно подробно нормирует институт охраны имущества подопечного под контролем казиев. Основным нововведением Кодекса явилось учреждение опекунских органов. Если население в бывшей ТАССР уже восприняло советский институт опеки и попечительства, то для населения бывших БНСР и ХорНСР институт опеки вводился впервые с 1 октября 1928 г.

16 сентября 1927 г. на заседании юридической Секции Подготовительной комиссии при СНК УзССР было принято решение о включении раздела о записи актов гражданского состояния в окончательную редакцию Кодекса и присвоить наименование «Кодекс законов о браке, семье и опеке и о записи актов гражданского состояния». Одновременно был представлен проект постановления II сессии ЦИК Советов УзССР второго созыва «Об утверждении и введении в действие КЗоБСО и ЗАГС». В преамбуле проекта постановления отмечалось, что КЗоБСО и ЗАГС утверждаются «в целях урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака, семьи и опеки на основе нового быта, обеспечения интересов матери и особенно детей и уравнивания супругов в имущественных отношениях и в отношении воспитания детей», которая не вошла в постанов-

⁶¹ Шариатные статьи с переводом на русский язык, Ташкент, 1910, ст. 73—109.

ление ЦИК Советов от 7 марта 1928 г. о введении в действие КЗоБСО и ЗАГС⁶².

До введения в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке с 1 октября 1928 г. был введен гражданский Кодекс на территориях бывших Бухарской и Хорезмской республик⁶³, где впервые применялось наследственное право. Был упразднен институт казийских судов⁶⁴, в результате чего на территории Узбекской ССР прекращалось действие правового дуализма в области брачно-семейного права. Институт усыновления применялся по обычаю со дня упразднения судов казиев до 1 октября 1928 г.

Введение в действие Кодекса законов УзССР о браке, семье и опеке и о записи актов гражданского состояния знаменовало победу советского семейного права, которой предшествовала острая борьба в обстановке глубокой ломки старого семейного быта⁶⁵.

Единственной формой брака признавался брак, зарегистрированный в органах ЗАГС. При этом необходимо отметить, что в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 15 сентября 1924 г. «О дополнении Кодекса законов об актах гражданского состояния согласно местным бытовым условиям» различаются браки «коренного», европейского населения и «смешанные» браки. Кодекс законов УзССР о браке, семье и опеке сохраняет легальное признание браков «коренного населения», брак европейцев. Исключение «смешанных браков» из Кодекса можно объяснить тем, что «смешанные» браки подпадали под действие I ч. ст. 6 Кодекса. Минимальные брачные возрасты были установлены: для жениха — 18 лет, для невесты — 16. Советское семейное право УзССР основывалось на принципе пролетарской моногамии, чем ликвидировалось многоженство восточной семьи.

Отказ от признания наличия брачных отношений при совершении религиозного брака ставил в тяжелое положение женщину-мать. Поэтому 17 февраля 1929 г. Верховный суд Узбекской ССР вынужден был разъяснить, что судебные учреждения имеют право признавать действительным брак, совершенный с нарушением статей — 4—5 Кодекса «во всех случаях, когда признание таких браков не ухудшало положение женщин»⁶⁶. По этой причине еще долгие годы права жен

⁶² ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 73, д. 44, л. 351—372; СУиР УзССР, 1928, № 8, ст. 70; № 15, ст. 136.

⁶³ СУ УзССР, 1928, № 3, ст. 18.

⁶⁴ СУ УзССР, 1928, № 4, ст. 23.

⁶⁵ Бюллетень Отдела работниц и дехканок Средазбюро ЦК ВКП(б), 1928, № 10, стр. 17.

⁶⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 9, д. 743, л. 2—31.

многоженцев охранялись советскими судами, особенно в области имущественных прав. Возник вопрос о дееспособности жен, не достигших восемнадцатилетнего возраста. 29 апреля 1928 г. Пленум Верховного суда УзССР в связи с введением гражданского Кодекса на территориях бывших БНСР и ХорНСР разъяснил, что дееспособность наступает лишь по достижении 18 лет. Сам факт замужества несовершеннолетней не освобождает ее от законного попечительства и не создает для нее полной дееспособности. Муж малолетней жены не является ее «естественным» попечителем и не может быть попечителем по назначению. Во всех случаях интересы несовершеннолетней жены могут и должны быть представлены ее законными представителями — родителями, усыновителями⁶⁷.

В течение 1929 г. в НКЮ поступали предложения о порядке применения Кодекса законов о браке, семье и опеке. Обобщив поступившие вопросы, коллегия НКЮ УзССР 5 января 1930 г. обсуждала проект изменений статей 1, 2, 5, 9 Кодекса законов о браке, семье и опеке⁶⁸. Содержание изменений Кодекса свидетельствует о том, что религиозные браки продолжали совершаться, поэтому возникла настоятельная необходимость решить вопросы, вытекающие из наличия религиозных браков, но духовенство всячески дискредитировало регистрацию брака в органах ЗАГС. Было внесено предложение дополнить правила Кодекса запрещением регистрировать брак со слабоумными и душевнобольными, уточнить права и обязанности супругов, состоящих в фактическом браке. В предложенной формулировке редакции ст. 9, совпадающей с редакцией ст. 12 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, НКЮ предлагал признать правовую силу за фактическими браками. Были внесены предложения изменить и дополнить статьи 12, 14, 19 Кодекса законов о браке, семье и опеке. Однако эти предложения НКЮ не были приняты.

В целях борьбы с вредными обычаями в области брачных и семейных отношений Уголовный Кодекс УзССР был дополнен ст. 274—а, устанавливающей уголовную ответственность за выдачу замуж и принуждение малолетних и несовершеннолетних к выходу замуж против их воли⁶⁹.

В последующие годы в Кодекс законов о браке, семье и опеке были внесены изменения и дополнения.

На основании постановления ЦИК Советов УзССР от 20 августа 1931 г. № 142 были внесены изменения в статьи 29, 30, 50, 60, 65, 66, примечание к ст. 67, 86, 97, 100, примечание 1 к статье 101, ст. 126 и заголовок главы II Кодекса за-

⁶⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 9, д. 743, л. 2—31.

⁶⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-836, оп. 1, д. 6571.

⁶⁹ СУ УзССР, 1927, № 39, ст. 954.

конов УзССР о браке, семье и опеке и записи актов гражданского состояния, которыми устанавливались новые правила о гражданстве детей при изменении гражданства родителями, об усыновлении детей советских граждан иностранцами, об уравнении приемков в правах и обязанностях с усыновленными, о передаче органов опеки и попечительства в ведение Президиумов райисполкомов и Президиумов городских советов, о порядке записей актов гражданского состояния, о перемене имен и фамилий и о новом порядке освидетельствования душевнобольных⁷⁰.

На основании постановления ЦИК Советов УзССР от 14 июля 1938 г. был установлен единый минимальный брачный возраст для жениха и невесты (18 лет)⁷¹. Таким образом, была решена одна из острых проблем семейного права узбекского народа, которая является одной из важнейших изменений КЗоБСО УзССР. Повышение брачного возраста невесты до 18 лет решало одну из основных задач национального возрождения узбекского народа. Если по данным переписи за 1897 г. в Туркестанском крае на каждые 100 человек населения мужчин было 55, а женщин только 45, то после Октябрьской революции в 1926 г. мужчин — 53, женщин — 47, в 1939 г. мужчин — 51, а женщин уже 49. Эта диспропорция между количеством мужчин и женщин уменьшалась из года в год⁷².

Расширены основания и круг лиц, обязанных выплачивать алименты: статьи 36¹, 36², 36³, которые были введены в УзССР через 9 лет после введения аналогичных статей в КЗоБСО РСФСР⁷³; статьи 43 и 48 Кодекса⁷⁴; ст. 46⁷⁵ устанавливала право нуждающихся несовершеннолетних и нетрудоспособных братьев и сестер на получение содержания от своих братьев и сестер, обладающих достаточными средствами, в тех случаях, когда они не имеют возможности получить содержание от своих родителей за их отсутствием или несостоятельностью.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам» положило начало второму этапу унификации семейного права. Постановлением ЦИК Советов УзССР от 4 декабря 1936 г. № 51⁷⁶ были изменены статьи 94, 94¹, 100, 101, 102, 105, 106, 106¹, 108, 109¹.

⁷⁰ СУ УзССР, 1929, № 29, ст. 250.

⁷¹ СУ УзССР, 1928, № 20, ст. 143.

⁷² Данные переписей сообщены зав. кафедрой статистики Ташкентского института народного хозяйства доктором, проф. В. Н. Крыловым.

⁷³ СУ УзССР, 1937, № 30.

⁷⁴ СУ УзССР, 1936, № 40, ст. 172.

⁷⁵ СУ УзССР, 1939, № 66, ст. 389.

⁷⁶ СУ УзССР, 1936, № 40, ст. 172.

ция деятельности органов ЗАГС начинается с приказа по Туркестанскому краю от 26 января 1918 г. за № 31⁸². Духовенство и казии считали, что декрет от 18 декабря 1918 г. «О гражданском браке» не распространяется на узбекское население. Духовенство и казии стали в непримиримую оппозицию против браков в ЗАГСе. В результате этого регистрация актов гражданского состояния — рождений, смерти, брака начали осуществляться планомерно только с 1 сентября 1919 г. 15 ноября этого года НКВД издал инструкцию «Об организации и деятельности отделов гражданской регистрации в Туркестанской республике»⁸³, которая явилась первым подзаконным актом. Однако деятельность ЗАГСов определилась окончательно только в 1923 г. Регистрация актов гражданского состояния в городах осуществлялась в 10 раз больше, чем в сельской местности, несмотря на то, что городское население в Туркестанской республике составляло значительное меньшинство. XII съезд Советов Туркестанской республики констатировал⁸⁴, что НКВД удалось издать инструкцию о порядке записи актов гражданского состояния. В 1924 г. были опубликованы наиболее важные циркуляры об оформлении разводов, регистрации браков «коренного населения», участии женщин в работе органов ЗАГС в качестве практикантов, борьбе с калымом и выдачей замуж малолетних. Были разработаны мероприятия, запрещающие муллам совершать обряды венчания малолетних без особого разрешения областных ЗАГСов. В отношении лиц, достигших брачного совершеннолетия на основании декрета от 14 июня 1921 г. о запрещении калыма было издано распоряжение о запрещении совершать обряды венчания без удостоверений аульно-кишлачных Советов и махаллинских комиссий об отсутствии сделок о калыме. Таким образом, ЗАГСы осуществляли борьбу с духовенством и казиями за торжество советского семейного права. Ко времени образования Узбекской ССР ЗАГСы были организованы в областных центрах Бухарской, Хорезмской, Зеравшанской, Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях (и некоторых уездных городах), в то время как в других областях Туркестанской республики ЗАГСы были образованы даже в волостях⁸⁵.

Новый этап в работе органов ЗАГС начинается с образования Узбекской ССР. Наиболее важное значение для воспитания и внедрения советского семейного права имело «Вре-

⁸² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 35, л. 38—231; ф. Р-17, д. 256, л. 14—24.

⁸³ ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 258, л. 15.

⁸⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-86, д. 2433, л. 134—149; оп. 1, д. 346, л. 480.

⁸⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, д. 2433, л. 196—197.

конов УзССР о браке, семье и опеке и записи актов гражданского состояния, которыми устанавливались новые правила о гражданстве детей при изменении гражданства родителями, об усыновлении детей советских граждан иностранцами, об уравнивании приймаков в правах и обязанностях с усыновленными, о передаче органов опеки и попечительства в ведение Президиумов райисполкомов и Президиумов городских советов, о порядке записей актов гражданского состояния, о перемене имен и фамилий и о новом порядке освидетельствования душевнобольных⁷⁰.

На основании постановления ЦИК Советов УзССР от 14 июля 1938 г. был установлен единый минимальный брачный возраст для жениха и невесты (18 лет)⁷¹. Таким образом, была решена одна из острых проблем семейного права узбекского народа, которая является одной из важнейших изменений КЗоБСО УзССР. Повышение брачного возраста невесты до 18 лет решало одну из основных задач национального возрождения узбекского народа. Если по данным переписи за 1897 г. в Туркестанском крае на каждые 100 человек населения мужчин было 55, а женщин только 45, то после Октябрьской революции в 1926 г. мужчин — 53, женщин — 47, в 1939 г. мужчин — 51, а женщин уже 49. Эта диспропорция между количеством мужчин и женщин уменьшалась из года в год⁷².

Расширены основания и круг лиц, обязанных выплачивать алименты: статьи 36¹, 36², 36³, которые были введены в УзССР через 9 лет после введения аналогичных статей в КЗоБСО РСФСР⁷³; статьи 43 и 48 Кодекса⁷⁴; ст. 46⁷⁵ устанавливала право нуждающихся несовершеннолетних и нетрудоспособных братьев и сестер на получение содержания от своих братьев и сестер, обладающих достаточными средствами, в тех случаях, когда они не имеют возможности получить содержание от своих родителей за их отсутствием или несостоятельностью.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам» положило начало второму этапу унификации семейного права. Постановлением ЦИК Советов УзССР от 4 декабря 1936 г. № 51⁷⁶ были изменены статьи 94, 94¹, 100, 101, 102, 105, 106, 106¹, 108, 109¹.

⁷⁰ СУ УзССР, 1929, № 29, ст. 250.

⁷¹ СУ УзССР, 1928, № 20, ст. 143.

⁷² Данные переписей сообщены зав. кафедрой статистики Ташкентского института народного хозяйства доктором, проф. В. Н. Крыловым.

⁷³ СУ УзССР, 1937, № 30.

⁷⁴ СУ УзССР, 1936, № 40, ст. 172.

⁷⁵ СУ УзССР, 1939, № 66, ст. 389.

⁷⁶ СУ УзССР, 1936, № 40, ст. 172.

ция деятельности органов ЗАГС начинается с приказа по Туркестанскому краю от 26 января 1918 г. за № 31⁸². Духовенство и казии считали, что декрет от 18 декабря 1918 г. «О гражданском браке» не распространяется на узбекское население. Духовенство и казии стали в непримиримую оппозицию против браков в ЗАГСе. В результате этого регистрация актов гражданского состояния — рождений, смерти, брака начали осуществляться планомерно только с 1 сентября 1919 г. 15 ноября этого года НКВД издал инструкцию «Об организации и деятельности отделов гражданской регистрации в Туркестанской республике»⁸³, которая явилась первым подзаконным актом. Однако деятельность ЗАГСов определилась окончательно только в 1923 г. Регистрация актов гражданского состояния в городах осуществлялась в 10 раз больше, чем в сельской местности, несмотря на то, что городское население в Туркестанской республике составляло значительное меньшинство. XII съезд Советов Туркестанской республики констатировал⁸⁴, что НКВД удалось издать инструкцию о порядке записи актов гражданского состояния. В 1924 г. были опубликованы наиболее важные циркуляры об оформлении разводов, регистрации браков «коренного населения», участии женщин в работе органов ЗАГС в качестве практикантов, борьбе с калымом и выдачей замуж малолетних. Были разработаны мероприятия, запрещающие муллам совершать обряды венчания малолетних без особого разрешения областных ЗАГСов. В отношении лиц, достигших брачного совершеннолетия на основании декрета от 14 июня 1921 г. о запрещении калыма было издано распоряжение о запрещении совершать обряды венчания без удостоверений аульно-кишлачных Советов и махаллинских комиссий об отсутствии сделок о калыме. Таким образом, ЗАГСы осуществляли борьбу с духовенством и казиями за торжество советского семейного права. Ко времени образования Узбекской ССР ЗАГСы были организованы в областных центрах Бухарской, Хорезмской, Зеравшанской, Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях (и некоторых уездных городах), в то время как в других областях Туркестанской республики ЗАГСы были образованы даже в волостях⁸⁵.

Новый этап в работе органов ЗАГС начинается с образования Узбекской ССР. Наиболее важное значение для восприятия и внедрения советского семейного права имело «Вре-

⁸² ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 35, л. 38—231; ф. Р-17, д. 256, л. 14—24.

⁸³ ЦГА УзССР, ф. Р-39, оп. 1, д. 258, л. 15.

⁸⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-86, д. 2433, л. 134—149; оп. 1, д. 346, л. 480.

⁸⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, д. 2433, л. 196—197.

менное руководство по работе органов ЗАГС», изданное НКВД УзССР в 1925 г., где было дано определение понятия брака⁸⁶. Поскольку временное руководство допускало фактические браки, в деятельности органов ЗАГС возникла одна из сложнейших проблем советского семейного права — что понимать под фактическим браком? Европейское население понимало под фактическим браком супружеские отношения (моногамный фактический брак), а узбекское население под влиянием духовенства и казиев понимало религиозный брак. Такое различное понимание фактического брака является следствием правового дуализма в области семейного права. 26 февраля 1925 г. НКВД Узбекской ССР циркуляром № 123 предоставил органам ЗАГС право снижать минимальные брачные возрасты жениха и невесты на полгода⁸⁷, но в порядке исключения в соответствии с местными бытовыми и хозяйственными условиями. В 1926 г. была проделана большая работа по организации ЗАГСов в волостях, на территориях бывших Бухарской и Хорезмской областях⁸⁸. Оживление работы ЗАГСов в Узбекистане началось с середины 1927 г., после «худжума». Одновременно были вскрыты нарушения правил Кодекса законов об актах гражданского состояния. 18 августа 1927 г. Бухарский Окружной исполнительный комитет издал постановление о «досрочном браке», т. е. допустил снижение брачного возраста жениха и невесты, чем дал возможность заключать брак между несовершеннолетними. Постановление Бухарского окружного исполнительного комитета было отменено ЦИК УзССР⁸⁹.

Учитывая, что Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР не был переведен на узбекский язык, циркуляры НКЮ и НКВД — подзаконные акты — играли роль единственных источников права на местах. Этим и объясняется активная деятельность НКЮ и НКВД по изданию циркуляров в развитии основных положений Кодекса.

31 января 1927 г. ЦИК Советов и СНК УзССР издали постановление № 16 «Об изменении и отмене отдельных статей Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР». Из Кодекса были исключены пункты «а», «б» ст. 4, «а», «б» ст. 5, примечания 2 и 3 ст. 7, ст. 12, примечание к ст. 26 и ст. 42, нормировавшие

⁸⁶ Н. Н. Фиолетов, Цит. соч., стр. 3.

⁸⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 1, д. 210, л. 334.

⁸⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-432, оп. 1, д. 51, л. 49.

⁸⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 3, д. 154(151), л. 271; ф. Р-432, оп. 1, д. 155, л. 34; ф. Р-86, оп. 1, д. 6297, л. 1.

большое значение заботе о личности подопечного. Была упразднена опека при заключении брака.

В заключение считаем необходимым внести следующие предложения по проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке Узбекской ССР:

1. Необходимо дать легальное определение понятия брака. Исходя из учения о браке и семье К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, необходимо дать такое определение брака, которое активно содействовало бы дальнейшему развитию и укреплению советской семьи — семьи коммунистического общества, способствовало бы торжеству коммунистической «семейной психологии».

В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин говорил о том, что «старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде», что женские массы «должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнивание в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе»⁹².

Брак есть союз, заключенный по взаимной любви, на основании свободного выбора вступающих в брак равноправных женщин и мужчин, устанавливающий взаимные равные личные и имущественные права и обязанности, совместно борющихся за процветание семьи, за коммунистическое воспитание детей, за строительство коммунистического общества.

Отношения мужа и жены основываются на взаимном уважении, взаимной поддержке и помощи друг другу, на участии в труде.

2. Единственной формой заключения брака считать брак, зарегистрированный в органах ЗАГС.

3. Считаем необходимым ввести в ритуал заключения гражданского брака «торжественное обещание», которое взаимно дают друг другу вступающие в брак, и взаимно обязуются исходить в своих личных, супружеских и родительских правах из принципов морального кодекса строителя коммунизма.

4. Нередки еще случаи проявления «феодално-байского» отношения к женщине, которые противоречат государственно-му, общественному устройству и коммунистической морали. Начиная с VII съезда до XVI съезда КП(б) Узбекистана в решениях отмечается сохранение религиозных и бытовых предрассудков, проявление феодално-байского отношения к женщине⁹³.

⁹² К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1955, стр. 47, 56—57.

⁹³ Резолюции и решения съездов КП Узбекистана, 1957, стр. 323—484.

менное руководство по работе органов ЗАГС», изданное НКВД УзССР в 1925 г., где было дано определение понятия брака⁸⁶. Поскольку временное руководство допускало фактические браки, в деятельности органов ЗАГС возникла одна из сложнейших проблем советского семейного права — что понимать под фактическим браком? Европейское население понимало под фактическим браком супружеские отношения (моногамный фактический брак), а узбекское население под влиянием духовенства и казиев понимало религиозный брак. Такое различное понимание фактического брака является следствием правового дуализма в области семейного права. 26 февраля 1925 г. НКВД Узбекской ССР циркуляром № 123 предоставил органам ЗАГС право снижать минимальные брачные возрасты жениха и невесты на полгода⁸⁷, но в порядке исключения в соответствии с местными бытовыми и хозяйственными условиями. В 1926 г. была проделана большая работа по организации ЗАГСов в волостях, на территориях бывших Бухарской и Хорезмской областях⁸⁸. Оживление работы ЗАГСов в Узбекистане началось с середины 1927 г., после «худжума». Одновременно были вскрыты нарушения правил Кодекса законов об актах гражданского состояния. 18 августа 1927 г. Бухарский Окружной исполнительный комитет издал постановление о «досрочном браке», т. е. допустил снижение брачного возраста жениха и невесты, чем дал возможность заключать брак между несовершеннолетними. Постановление Бухарского окружного исполнительного комитета было отменено ЦИК УзССР⁸⁹.

Учитывая, что Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР не был переведен на узбекский язык, циркуляры НКЮ и НКВД — подзаконные акты — играли роль единственных источников права на местах. Этим и объясняется активная деятельность НКЮ и НКВД по изданию циркуляров в развитии основных положений Кодекса.

31 января 1927 г. ЦИК Советов и СНК УзССР издали постановление № 16 «Об изменении и отмене отдельных статей Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР». Из Кодекса были исключены пункты «а», «б» ст. 4, «а», «б» ст. 5, примечания 2 и 3 ст. 7, ст. 12, примечание к ст. 26 и ст. 42, нормировавшие

⁸⁶ Н. Н. Фиолетов, Цит. соч., стр. 3.

⁸⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-904, оп. 1, д. 210, л. 334.

⁸⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-432, оп. 1, д. 51, л. 49.

⁸⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 3, д. 154(151), л. 271; ф. Р-432, оп. 1, д. 155, л. 34; ф. Р-86, оп. 1, д. 6297, л. 1.

большое значение заботе о личности подопечного. Была упразднена опека при заключении брака.

В заключение считаем необходимым внести следующие предложения по проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке Узбекской ССР:

1. Необходимо дать легальное определение понятия брака.

Исходя из учения о браке и семье К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, необходимо дать такое определение брака, которое активно содействовало бы дальнейшему развитию и укреплению советской семьи — семьи коммунистического общества, способствовало бы торжеству коммунистической «семейной психологии».

В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин говорил о том, что «старое право господства мужа продолжает жить в скрытом виде», что женские массы «должны знать, что для них пролетарская диктатура значит: полное уравнивание в правах с мужчиной как по закону, так и на практике, в семье, государстве и обществе»⁹².

Брак есть союз, заключенный по взаимной любви, на основании свободного выбора вступающих в брак равноправных женщин и мужчин, устанавливающий взаимные равные личные и имущественные права и обязанности, совместно борющихся за процветание семьи, за коммунистическое воспитание детей, за строительство коммунистического общества.

Отношения мужа и жены основываются на взаимном уважении, взаимной поддержке и помощи друг другу, на участии в труде.

2. Единственной формой заключения брака считать брак, зарегистрированный в органах ЗАГС.

3. Считаем необходимым ввести в ритуал заключения гражданского брака «торжественное обещание», которое взаимно дают друг другу вступающие в брак, и взаимно обязуются исходить в своих личных, супружеских и родительских правах из принципов морального кодекса строителя коммунизма.

4. Нередки еще случаи проявления «феодално-байского» отношения к женщине, которые противоречат государственно-му, общественному устройству и коммунистической морали. Начиная с VII съезда до XVI съезда КП(б) Узбекистана в решениях отмечается сохранение религиозных и бытовых предрассудков, проявление феодално-байского отношения к женщине⁹³.

⁹² К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1955, стр. 47, 56—57.

⁹³ Резолюции и решения съездов КП Узбекистана, 1957, стр. 323—484.

XVI съезд КП Узбекистана призвал к «усилению борьбы против проявлений отсталых взглядов, унижения чести и достоинства женщин»⁹⁴. Первый секретарь ЦК КП Ш. Рашидов в отчетном докладе XVI съезду призывал «привлекать к строгой ответственности виновных в унижении ее достоинства»⁹⁵.

В постановлении Пленума ЦК КПСС по докладу секретаря ЦК КПСС Ильичева Л. Ф. «Об очередных задачах идеологической работы партии» отмечено: «В ряде республик, краев и областей ослаблена работа среди женщин, не преодолены пережитки феодално-байского отношения к женщине». Пленум призвал к «изгнанию из нашего быта и семейных отношений всех пережитков прошлого»⁹⁶.

Учитывая еще бытующее феодално-байское отношение к женщине, считаем необходимым дать определение правового понятия «феодално-байского отношения к женщине»:

нарушение конституционных, гражданских прав женщины (принуждение носить паранджу, запрещение участвовать в общественно-политической жизни и производительном труде), а также нарушение норм семейно-брачного законодательства (выдача замуж несовершеннолетних, уплата калыма, посягательство на честь и достоинство женщин), т. е. проявление феодално-байского отношения к женщине преследуется законом.

В развитие этого положения необходимо включить в проектируемый Кодекс законов о браке, семье и опеке нормы права следующего содержания: брак признается недействительным в случаях: а) нарушениях конституционных, гражданских прав женщин; б) заключения брака с недостигшей совершеннолетия, против воли совершеннолетней невесты с применением насилия, угроз, обмана, с душевно больными; в) при уплате калыма в прямой форме или в форме «подарка»; г) наличия зарегистрированного брака; д) вступления в брак в запрещенной степени родства.

В случае признания брака недействительным матерям (женам) предоставляется право на получение алиментов как на детей, так и для себя лично на период кормления, а также и на более длительные сроки при наличии физических или психических заболеваний до излечения.

Введение этих норм окажет не только правовое, но и моральное воздействие на укрепление советской семьи.

5. Исходя из того, что супруги взаимно обязаны соблюдать нормы морального Кодекса строителя коммунизма, в ре-

⁹⁴ Правда Востока, 1 октября 1961 г.

⁹⁵ Правда Востока, 28 сентября 1961 г.

⁹⁶ Правда, 22 июня 1963 г.

шении суда о расторжении брака необходимо отмечать степень ответственности каждого супруга за распад семейного союза, изменив существующий порядок развода.

6. Необходимо в проектируемый Кодекс законов о браке, семье и опеке УзССР включить определения понятий: добрачного, личного и совместного имущества супругов и понятий долевой и внедолевой собственности, поскольку эти вопросы вытекают из брачно-семейных имущественных правоотношений (см. ст. 9 КЗоБСО и АГС УзССР).

7. Супруги взаимно обязаны добросовестно владеть, пользоваться и распоряжаться объектами супружеской собственности. В случае распада семейного союза, до расторжения брака и раздела имущества, супруг, осуществляющий владение, пользование и распоряжение супружеской собственностью, обязан хранить долю отсутствующего супруга. При наличии исполнительного листа на взыскание алиментов, а в исключительных случаях и без него, супруг имеет право обратиться взыскание на долю хранящегося у него имущества отсутствующего супруга.

8. При разделе внедолевой собственности супругов суд обязан исходить из равенства долей в целях борьбы с феодально-байским отношением к женщине.

9. В целях охраны материнства и младенчества мужа не имеют права на предъявление иска о расторжении брака при наступлении беременности жены до достижения ребенком годичного возраста. Суд вправе продлить этот срок еще на один год при наличии уважительных причин.

10. В целях борьбы с феодально-байским отношением к женщине предоставить матерям внебрачных детей право на иск об установлении и признании отцовства и на алименты в пользу детей.

11. При наличии родителей у усыновляемого, когда один из них не предоставляет содержания несовершеннолетним, нетрудоспособным, нуждающимся детям в течение одного года, усыновление может быть допущено при наличии согласия одного из родителей.

В исключительных случаях годичный срок может быть снижен до шести месяцев.

12. В интересах детей в исключительных случаях усыновителям предоставляется право иска о взыскании алиментов на усыновленного к родителю, не предоставлявшему содержания усыновленному.

13. В случаях усыновления подкидышей, сданных в детские или иные учреждения и организации, родители подки-

дыша лишаются права на истребование к себе ребенка по истечении месячного срока со дня оставления ребенка.

14. В случаях фактического усыновления ребенка, если он не знает об этом, органам опеки и попечительства после проверки предоставляется право разрешать усыновление без обязательного опроса и согласия усыновленного по достижении им десятилетнего и выше возраста.

15. Признание усыновления после смерти усыновленного или усыновителя в настоящее время осуществляется органами опеки и попечительства, которые, по материалам ГорОНО Ташкента, зачастую уклоняются от выполнения этих обязанностей. Представляется необходимым признание факта усыновления после смерти усыновленного или усыновителя производить судебным порядком, если с этим связано возникновение, изменение или прекращение личных и имущественных прав.

16. Восходящие и боковые родственники умершего родителя (или родителей) имеют имущественное право на усыновление детей перед другими лицами.

17. Необходимо издать специальное пособие по семейному и опекуному праву для работников органов опеки и попечительства.

18. Действующая программа правового образования для педагогических институтов не обеспечивает знание основ семейного и опекуного права. Представляется необходимым переработать программу, усилив изучение основ семейного и опекуного права.

19. В Министерстве просвещения УзССР, областных отделах народного образования не имеется работника, ведающего делами, вытекающими из опеки и попечительства. В результате работа органов опеки и попечительства лишена руководства, что отрицательно отражается на деятельности органов опеки и попечительства. Представляется необходимым ввести в штат Министерства просвещения и областных отделов народного образования штатные должности инспекторов, ведающих опекой.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Формирование советской семьи в Узбекистане (правовые проблемы), Ташкент, УзГИЗ, 1962.

2. Некоторые вопросы семейного права УзССР и задачи борьбы с феодально-байским отношением к женщине, Ученые записки Ташкентского Института народного хозяйства, 1965, № 25.

3. Некоторые вопросы семейного права УзССР (К разработке проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке УзССР), Ученые записки Ташкентского Института народного хозяйства, 1965, № 30.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Технический редактор *В. Бубнова*

Р05088. Сдано в набор 9/IV-1965 г. Подписано к печати 28/IV-1965 г. Формат 60×90^{1/16}—2,37,
бум. л.—4,75 печ. л. Уч.-изд. л. 4,4. Изд. № 66/65.; Тираж 200. Заказ 573.

Типография Издательства „Наука“ УзССР, 2-я Высоковольтная, 21.
Адрес Издательства: ул. Гоголя, 70.